

Разбитые клятвы

Автор Эмма Стийн

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эмма Смит

Разбитые клятвы

«Автор»

2026

Смит Э.

Разбитые клятвы / Э. Смит — «Автор», 2026

РАЗБИТЫЕ КЛЯТВЫ Амир. Я никогда не хотел жениться и не придавал браку значения. Всё изменилось, когда Айла ушла из моей жизни, разорвав всё окончательно. Она любила меня, но не смогла простить моё предательство. Спустя четыре года она возвращается из Европы — сильная, красивая, недостижимая. Теперь передо мной уже не та хрупкая девушка, а женщина, которая меня ненавидит. Айла. Любовь? Кому она вообще нужна? Я думала, что забыла его, но стоило увидеть Амира — и сердце снова предательски сжалось. Я ненавижу его за то, что он со мной сделал. Он знал, что должен был быть со мной, но всё равно изменил у меня на глазах. Я больше не та плаксивая Айла. Теперь я стала той, кого многие боятся.

© Смит Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	52
Глава 6	62
Глава 7	75
Г	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Эмма Смит

Разбитые клятвы

Глава 1

Глава 1. Айла.

Рим в марте — это не тот романтический город из открыток. Это пронизывающий до костей ветер, гуляющий по узким улочкам, и небо, которое кажется тяжелым, как старинная брусчатка под ногами.

— Айла! Верни сейчас же! — визг Стефани прорезал шум уличного кафе.

Я сорвалась с места, чувствуя, как полы моего пальто развеваются на ветру. В руках — её телефон, на экране которого светилось сообщение от того самого парня. Я бежала, смеясь, чувствуя себя на секунду той самой беззаботной девчонкой, которой была до того, как жизнь научила меня закрываться на все замки.

— Айла, это не смешно! Верни! — Стефани, спотыкаясь на своих каблуках, пыталась догнать меня, но я была быстрее.

Я остановилась у края площади. Позади меня возвышался фонтан Треви — величественный, шумный и почти нереальный на фоне серого неба. Вода падала с каменных уступов, разбиваясь о чашу фонтана, а вокруг толпились туристы с телефонами и фотоаппаратами. Кто-то бросал монетку через плечо, кто-то пытался сделать снимок без посторонних людей в кадре, что в Риме было почти невыполнимой задачей. Развернувшись, я увидела подругу — раскрасневшуюся, с растрепанными рыжими волосами, которые так ярко контрастировали с серым римским небом.

Я улыбнулась, но телефон не отдала. Мой взгляд упал на экран.

— Итак, значит, он тебе нравится... — я произнесла это тише, внимательно изучая её лицо. Стефани мгновенно покрылась румянцем, который был замечен даже сквозь слой тонального крема.

— Уф, а что, он не красив? — она попыталась выхватить телефон, но я ловко увернулась.

Она выглядела одновременно грозно и нелепо, поэтому я ускорила, смеясь так искренне, как не смеялась уже несколько дней.

Я ещё раз взглянула на фото в профиле парня. Брюнет, правильные черты лица, уверенный взгляд. Симпатичный. Но... пустой. В его глазах не было глубины, только самолюбование.

— Тебе хоть кто-то нравится, Айла? — Стефани выдохнула, сдаваясь. — Ты заиклилась на своей карьере, на учебе, на этих бесконечных планах. Ты живешь как робот.

Я отвела взгляд. Нравился. В прошлом.

Воспоминание кольнуло в груди, как заноза, которую я давно научилась не замечать.

Я помнила тот день, когда пришла к брату. Мой голос не дрожал, когда я попросила разорвать помолвку. Это было сложно, это вызвало скандал в семье, но я уехала. Уехала в Италию, в Рим, чтобы начать с чистого листа. И моя жизнь стала прекрасной. Я стала свободной.

— Тебе хоть кто-то нравится? — повторила Стефани, вырывая меня из оцепенения.

— Мне нравится моя свобода, Стеф, — отрезала я, протягивая ей телефон. — И мне нравится, что я больше не принадлежу никому, кроме самой себя.

Я ещё раз взглянула на экран. На фотографии был брюнет с правильными чертами лица, дорогими часами и уверенным взглядом. Он сидел в каком-то клубе, откинувшись на кожаный диван. Рядом стояли бокалы, а на заднем плане виднелась компания людей, явно желавших выглядеть богаче, чем были на самом деле.

Симпатичный.

Но пустой.

В его глазах не было глубины. Только самолюбование, уверенность в собственной неотразимости и привычка получать всё, чего он хотел.

Я протянула телефон Стефани.

— Он похож на человека, который называет официантов по именам, а потом не оставляет чаевых.

Она выхватила телефон и прижала его к груди.

— Ты судишь людей по внешности.

— Нет. По деталям.

— Каким деталям?

— Дорогие часы, слишком широкая улыбка, фотография из клуба и подпись: «Не ищу серьёзных отношений, но никогда не говори никогда».

Стефани посмотрела на экран, потом на меня.

— Ты всё это успела прочесть?

— Я быстро читаю.

— Ты украла мой телефон, чтобы провести расследование?

— Я спасала тебя.

— От чего?

— От очевидного.

Она покачала головой и засунула телефон в сумочку.

— Иногда мне кажется, что ты родилась сорокалетней женщиной с ипотекой, двумя детьми и недоверием ко всему человечеству.

— У меня нет детей.

— Но недоверие есть.

— Оно досталось мне бесплатно.

— От бывшего?

Я отвела взгляд.

Над площадью пронёсся порыв ветра. Он взметнул несколько бумажных салфеток, прокатил их по мокрой брусчатке и заставил туристов плотнее запахнуть куртки.

Бывший.

Одно слово, а за ним — столько всего, что иногда мне казалось: проще было бы забыть собственное имя, чем забыть его.

Я помнила, как глупо верила в сказки. Как ждала его звонков, как часами выбирала платье для встречи, как пыталась угадывать его настроение по одному взгляду. Я строила планы на будущее, где мы были одним целым. Мне казалось, что любовь — это когда ты постепенно отказываешься от себя ради другого человека и называешь это преданностью.

А потом я узнала правду.

Он не хотел меня.

Он видел во мне удобный аксессуар. Девушку с хорошей семьёй, правильной фамилией и подходящей внешностью. Будущую жену, которая будет улыбаться рядом с ним на приёмах, поддерживать его репутацию и молчать, когда он будет поступать жестоко.

Он не говорил мне прямо, что я должна быть удобной.

Такие люди не говорят прямо.

Они просто постепенно приучают тебя к мысли, что твоё мнение не имеет значения.

— Айла?

Голос Стефани вернул меня в настоящее.

— Что?

— Ты снова ушла.

— Я здесь.

— Физически — да. Мысленно ты уже где-то далеко.

Я заставила себя улыбнуться.

— Просто холодно.

— Не из-за погоды.

— Стеф...

— Я не собираюсь тебя жалеть, если ты об этом.

— Я знаю.

— И не собираюсь заставлять тебя говорить.

— Тогда почему спрашиваешь?

Стефани пожала плечами.

— Потому что иногда человек должен знать: его заметили.

Я посмотрела на неё.

У Стефани была удивительная способность говорить простые вещи так, будто она проносила что-то очень важное. Именно поэтому рядом с ней мне было легче молчать.

— Пойдём в кафе, — сказала я. — Ты замёрзла.

— Я не замёрзла.

— У тебя губы посинели.

— Это помада.

— Она называется «переохлаждение».

— Тогда мне идёт.

Я рассмеялась и потянула её за руку.

Наше любимое кафе пряталось в узком переулке неподалёку от площади. Снаружи оно выглядело почти незаметно: небольшая вывеска, два круглых столика под навесом и витрина, запотевшая от тепла. Внутри было тесно, шумно и уютно. Стены украшали старые фотографии Рима, пожелтевшие меню и полки с банками кофе. Здесь пахло свежееобжаренными зёрнами, корицей и чуть подгоревшей выпечкой.

Мы выбрали столик в углу, рядом с окном. Оттуда было видно, как прохожие торопятся по улице, пряча лица от ветра.

Стефани сняла пальто и повесила его на спинку стула.

К нам подошла официантка. Мы заказали два коктейля и эспрессо для меня. Стефани ещё долго изучала меню, хотя за последние три с половиной года успела попробовать в кафе всё, что там подавали.

— Ты опять возьмёшь чизкейк? — спросила я.

— Нет.

— Ты говоришь это каждый раз.

— Сегодня я изменяюсь.

— Прекрасно. Начни с тирамису.

Она захлопнула меню.

— Ты ужасный человек.

— Зато предсказуемый.

Официантка ушла, а Стефани несколько секунд молчала, глядя на свой телефон.

Я заметила, как она провела большим пальцем по экрану, открыла сообщение и снова закрыла его.

— Ты можешь просто написать ему, что он тебе неинтересен, — сказала я.

— А если он спросит почему?

— Ответишь правду.

— Что именно?

— «Потому что ты выглядишь как человек, который говорит о себе в третьем лице».

- Он так не делает.
- Пока не делает.
- А если он нормальный?
- Нормальные люди тоже могут быть красивыми.
- Ты говоришь так, будто это противоречит законам природы.
- Я говорю так, будто мужчины часто используют внешность вместо характера.
- А женщины не используют?
- Используют. Но ты сейчас спрашиваешь про него.
- Ты сразу решила, что он плохой.

— Нет. Я решила, что он не заслуживает такого количества твоих переживаний после одного сообщения. Между вами с этим парнем что-то было? — спросила я мягче.

Я всегда придерживалась своих принципов. Не потому, что я была ханжой, и не из-за слепого следования традициям. Просто я уважала себя. Я не осуждала девушек, которые живут иначе, но для себя я выбрала путь достоинства. Я искала того, кто будет стоять моего доверия, а не того, кто использует меня как временное развлечение.

- Нет.
- Вы встречались?
- Нет.
- Он тебя целовал?
- Нет.
- Тогда что тебя мучает?

Стефани сжала губы.

- Он смотрит на меня так, будто знает, какая я на самом деле.
- А какая ты?
- Не знаю.
- Вот и он не знает.
- Может, я хочу, чтобы кто-нибудь узнал.

Я внимательно посмотрела на неё.

- Даже если это причинит боль?
- А если я всю жизнь буду избегать боли? Что тогда? Я проживу безопасно, но пусто.
- Пустота лучше, чем человек, который разрушит тебя.
- Это ты сейчас о нём или о себе?

Я опустила взгляд на чашку эспрессо.

Кофе был густым, горьким и почти чёрным.

- О нас обоих.
- Ты ведь правда не жалеешь, что уехала?
- Нет.
- Ни одного раза?
- Я скучала по дому.
- Это не ответ.

— Я скучала по людям. По брату. По привычной улице. По голосу матери. По семейным ужинам, на которых все спорили, но всё равно сидели за одним столом.

- А по нему?

Я подняла взгляд.

Стефани не произнесла его имени. Ей и не нужно было.

- Нет.

Это было почти правдой.

- Ты говоришь слишком быстро, когда врёшь, — заметила она.
- А ты слишком уверенно делаешь вид, что всё понимаешь.

— Потому что я тебя знаю.

— Иногда мне кажется, что именно поэтому ты должна перестать копаться во мне.

— А мне иногда кажется, что если я перестану, ты окончательно закроешься.

Я отвернулась к окну.

За стеклом молодая пара пыталась сфотографироваться на фоне старой стены. Парень держал телефон слишком высоко, девушка смеялась и поправляла волосы. Они выглядели счастливыми.

И, возможно, были счастливы.

Но я больше не доверяла внешнему виду.

Слишком часто за красивыми жестами скрывалась жестокость.

— Знаю, потому что ты каждый раз делаешь одно и то же, Айла. Когда мужчина проявляет интерес, ты начинаешь искать в нём недостатки. Если не находишь — придумываешь. Если он ведёт себя вежливо — говоришь, что он притворяется. Если он настойчив — называешь его опасным. Если он отступает — утверждаешь, что он слабый.

— И что же, по-твоему, я должна делать?

— Хотя бы иногда не считать любовь миной, которая взорвётся у тебя под ногами.

Я горько усмехнулась.

— Ты говоришь о любви так, будто сама в неё веришь.

Стефани посмотрела в окно.

— Я верила.

— И что случилось?

— Ты знаешь.

Я знала её историю. Тень того ужаса, который она пережила, преследовала её годами. В детстве Стефани пережила то, о чём почти никогда не говорила. Не потому, что забыла, а потому, что некоторые воспоминания становятся частью тела. Они живут в напряжённых плечах, в резком вздрагивании от неожиданного прикосновения, в бессонных ночах и в невозможности довериться человеку, который стоит слишком близко.

Я не расспрашивала её.

Она рассказала сама — однажды ночью, когда мы сидели на полу в ванной комнате после того, как ей стало плохо на вечеринке. Тогда она говорила тихо, почти без эмоций, будто описывала чужую жизнь. Но я видела, как дрожали её пальцы.

С тех пор я никогда не задавала лишних вопросов. Я протянула руку через стол и крепко сжала её холодные пальцы.

— Мы улетаем на следующей неделе, — напомнила я ей. — Турция. Анкара... Мы начинаем новую главу. «Rönesans Holding» ждёт нас. Ты же знаешь, я больше не беру денег у брата. Я хочу заработать всё сама.

— Мне нужны четыре палетки теней, — резко говорит Стефани с улыбкой на лице.

— Зачем?

— Для эмоциональной стабильности.

Я улыбнулась.

— Стамбул, Анкара, потом, возможно, Измир. Ты понимаешь, что мы будем работать, а не проводить отпуск?

— Я понимаю. Но если после рабочего дня я захочу есть пахлаву, гулять по набережной и покупать серьги, ты не станешь меня останавливать.

— Не стану.

— А если я захочу познакомиться с турецким красавцем?

— Я попрошу его показать паспорт, справку о доходах и отсутствие судимостей.

— Ты невозможна.

— Я практична.

— Ты хочешь сказать, что за три года в Риме ни разу не позволила себе спонтанный роман?

— Да.

— Ни одного?

— Ни одного.

— А поцелуй?

— Нет.

— Даже случайный?

— Что значит «случайный»?

— В клубе. На вечеринке. В лифте.

— Кто целуется в лифте?

— Люди, которые умеют жить.

— Или люди, которые не знают, где находятся камеры.

Стефани откинулась на спинку стула.

— Ты когда-нибудь слышала себя со стороны?

— Конечно.

— И?

— Мне нравится.

— Ты говоришь как человек, который намеренно выбирает одиночество.

— Я не одинока.

— У тебя есть я, Узай и работа.

— Это немало.

— А кто-нибудь, к кому можно прийти ночью и сказать: «Мне страшно»?

Я посмотрела на неё.

— Я могу прийти к тебе.

— Я знаю. Но я спрашиваю о другом.

— Мне не нужен мужчина, чтобы не бояться.

— Я не говорю, что нужен. Я говорю, что иногда хочется, чтобы кто-то был рядом.

— Кто-то всегда рядом. И это не всегда хорошо.

Стефани медленно кивнула.

— Вот. Ты снова это делаешь.

— Что?

— Превращаешь всё в оборону.

Я хотела ответить, но в этот момент к нашему столику подошёл официант.

Молодой, с тонкими усиками и слишком навязчивой улыбкой. Он поставил на стол наши коктейли и не спешил уходить. Его взгляд задержался на моём лице, потом скользнул по волосам и вернулся к глазам.

Я терпела несколько секунд.

Потом подняла бровь.

— На моём лице что-то написано?

— Нет, нет, — улыбнулся он шире. — Просто вы очень красивая.

— Я знаю.

Он явно не ожидал такого ответа.

Стефани прикрыла рот салфеткой, скрывая смех.

— У вас очень красивые зелёные глаза, — продолжил официант. — Я постоянно вас здесь вижу. Вы всегда сидите в этом углу.

— И вы всё это время наблюдали?

— Наблюдал — слишком громкое слово.

— А какое подходит лучше?

— Восхищался.

— Это ещё хуже.

Он растерялся, но отступить не собирался.

— Я мог бы угостить вас десертом.

— Не стоит.

— Или кофе.

— Мы уже заказали кофе.

— Тогда, может быть, вы позволите мне закончить работу и встретить вас после смены?

Я поставила чашку на блюдо.

— Слушай внимательно. Я не заинтересована.

— Вы даже не знаете, как меня зовут.

— Это не мешает мне быть незаинтересованной.

— У вас есть парень?

Я посмотрела на него прямо.

— Да.

— Он очень ревнивый, — добавила Стефани, делая серьёзное лицо. — И у него отвратительный характер.

— Я не спрашивал вас.

— Но я решила предупредить.

Официант снова перевёл взгляд на меня.

— Вы здесь постоянно одни.

— Я не одна.

— Но ваш парень не пришёл сегодня.

— Он придёт.

— А если нет?

— Тогда это будет его проблема.

— Вы слишком строгая.

— А ты слишком настойчивый.

— Я просто пытаюсь познакомиться.

— Ты уже познакомился. Теперь отойди.

Он нахмурился.

— Я не хотел вас обидеть.

— Тогда не усложняй ситуацию.

— Почему вы разговариваете со мной так, будто я сделал что-то плохое?

Я почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение.

Не из-за него самого.

Из-за интонации.

Из-за этой привычки некоторых мужчин считать отказ приглашением к переговорам. Они слышали «нет», но воспринимали его как начало игры. Будто женское решение не могло быть окончательным, пока мужчина не согласится с ним.

— Потому что ты продолжаешь стоять у нашего стола после того, как я попросила тебя уйти.

— Я просто...

— Отойди от неё.

Голос прозвучал негромко, но настолько резко, что за соседним столиком перестали разговаривать.

Я узнала его сразу.

Узай.

Мой вымышленный парень, мой лучший друг и единственный человек, которому я доверяла в этом чужом городе.

Он стоял у входа, стряхивая с плеч капли дождя. Высокий, широкоплечий, в тёмном пальто, он мгновенно заполнил собой пространство. Его карие волосы были влажными от дождя, а пронзительные голубые глаза смотрели на официанта холодно и спокойно.

Это сочетание всегда производило впечатление.

Узай не нуждался в повышенном голосе. Ему достаточно было посмотреть на человека так, будто он уже вынес решение.

Официант выпрямился.

— Я ничего не делал.

— Тогда почему ты стоишь возле неё?

— Я разговаривал с клиенткой.

— Она попросила тебя уйти.

— Это не значит, что я...

— Отойди.

На этот раз Узай сделал шаг вперёд.

Официант сразу отступил.

— У тебя какие-то проблемы? — спросил Узай.

— Нет.

— Тогда свали, пока я не добавил тебе проблем.

Парень бросил на меня обиженный взгляд.

— Я всего лишь сделал комплимент.

— Комплимент заканчивается там, где начинается чужой дискомфорт, — ответила я.

Он хотел что-то сказать, но передумал и поспешил вернуться к стойке.

Стефани выдержала ровно две секунды, прежде чем расхохотаться.

— Как же я вас обожаю! — воскликнула она. — Вы появились так драматично, будто вас вызвали по секретному сигналу.

Узай снял пальто и бросил его на соседний стул.

— Три с половиной года, — я усмехнулась, глядя на Узая. — Три с половиной года он притворяется моим парнем, чтобы спасти меня от таких вот «поклонников».

Узай подмигнул мне. Он был идеальным прикрытием: высокий, с карими волосами и пронзительными голубыми глазами, он обладал той природной харизмой, которая заставляла людей отступать.

Я никогда не считала себя богиней, но внимание мужчин, которое преследовало меня на каждом шагу, стало настоящей проблемой. Узай стал моим щитом. И именно благодаря его связям и нашей с ним настойчивости, мы получили шанс работать в «Rönesans Holding».

Я смотрела на них — на Стефани, которая наконец-то улыбалась, и на Узая, который был моей опорой. Впереди была Турция. Анкара. Новая жизнь. И я знала: на этот раз я не позволю никому сломать меня. Я больше не та глупая девочка, которая ждёт любви.

Глава 2

Глава 2. АМИР

Настолько сложно быть директором компании «Rönesans Holding».

Люди видят только дорогой костюм, просторный кабинет на сорок пятом этаже, личного водителя, охрану у входа и сотрудников, которые встают, когда я прохожу мимо. Они видят цифры в отчётах, заголовки в газетах, фотографии с деловых встреч и моё имя рядом с названием компании.

Но никто не видит, сколько стоило мне добиться этого места.

Четыре с половиной года.

Именно столько я добивался компании «Rönesans Holding». Четыре с половиной года переговоров, бессонных ночей, жёстких решений, конфликтов и сделок, в которых нельзя было допустить ни одной слабости. Я вытаскивал компанию из долгов, менял руководителей отделов, закрывал бесперспективные направления и заставлял людей работать с такой скоростью, будто от каждого подписанного документа зависела их жизнь.

Более трёх лет я являюсь директором.

За это время я успел стать человеком, которого боятся и уважают одновременно.

Я не хороший человек. Никогда им не был и не собираюсь им становиться.

Я не умею прощать.

Одна ошибка — и человек уволен. Неважно, сколько лет он проработал в компании, сколько пользы принёс раньше и насколько убедительно пытается оправдаться. Ошибка остаётся ошибкой. А если она произошла в проекте, где задействованы миллиарды, оправдания не имеют никакого значения.

Все здесь знают правила.

Не переходить мне дорогу.

Не смотреть мне в глаза без разрешения.

Не спорить со мной, если не готов доказать свою правоту цифрами.

Не касаться меня.

Последнее правило появилось не вчера. Я ненавижу прикосновения чужих людей. Рукопожатия, похлопывания по плечу, случайные касания в коридорах — всё это вызывает у меня раздражение. Люди слишком часто забывают, что чужое пространство всё ещё остаётся чужим.

Я не обязан терпеть то, что мне неприятно.

И никто не должен забывать, кто я такой.

Давно я переехал в Анкару. Раньше я почти не появлялся в своей компании. Управлял через заместителей, контролировал отчёты удалённо и приезжал только на встречи, которые невозможно было провести без моего присутствия.

Но в этом году всё изменилось.

Я решил изменить стратегию развития компании.

Рынок больше не позволял сидеть в кабинете и ждать, пока готовые контракты принесут на подпись. Компании требовались новые направления, новые партнёры, новые проекты и более агрессивная политика продвижения. Конкуренты усиливались. Инвесторы хотели видеть рост. Государственные тендеры становились жёстче, а зарубежные партнёры всё чаще требовали доказательств того, что мы способны не только строить, но и создавать долгосрочную ценность для регионов, в которых работаем.

Поэтому теперь я чаще приезжал в офис.

И с моим появлением здесь становилось тише.

Когда я нахожусь в компании, сотрудники боятся даже сделать вдох. Не то что говорить. Они знают: лучше не злить меня. Я замечаю всё — задержку на несколько минут, неправильно

оформленный документ, неуверенный ответ, слишком долгую паузу, взгляд, задержавшийся на мне дольше положенного.

Я не терплю беспорядка.

Компания должна работать как идеально настроенный механизм. Каждая деталь обязана выполнять свою функцию. Если одна шестерёнка ломается, я не трачу время на попытки убедить её работать. Я заменяю её.

— Господин Амир, все документы готовы к совещанию, — с дрожащим голосом произносит Мира.

Я поднимаю взгляд от планшета.

Мира стоит у двери, прижимая к груди папку. Ей около 25, но рядом со мной она всегда выглядит так, будто впервые оказалась в офисе. Пальцы сжаты слишком сильно, губы бледные, голос едва слышен.

Я терпеть не могу, когда люди говорят тихо.

Если человек не способен произнести предложение уверенно, значит, он либо не знает ответа, либо уже понимает, что сделал ошибку.

— Все документы? — спрашиваю я.

— Да, господин Амир. Финансовые отчёты, презентация проекта, расчёты по инвестициям, прогнозы доходности и документы по новым подрядчикам.

— Перепроверены?

— Да.

— Кем?

Она замолкает.

Я медленно откладываю планшет на стол.

— Мира.

— Отделом аналитики и юридическим отделом.

— То есть лично вы их не проверяли.

Она опускает взгляд.

— Я просмотрела документы.

— Просмотреть и проверить — разные вещи.

Мира сглатывает.

— Я перепроверю ещё раз.

— Уже поздно. Совещание начнётся через пять минут. Если документы содержат ошибку, отвечать будете лично.

— Да, господин Амир.

Я киваю и встаю с места.

Мой кабинет занимает почти весь угол этажа. Стекланные стены затемнены, чтобы сотрудники не могли постоянно видеть, чем я занимаюсь. Из окон открывается вид на Анкару: серые здания, широкие дороги, плотный поток автомобилей и далёкие холмы, скрывающиеся в утренней дымке.

Мне нравится этот вид.

Он напоминает, что город внизу огромен, но с высоты всё кажется маленьким. Люди, машины, здания, их проблемы — всё превращается в движение, которое можно контролировать, если знать, где находятся нужные рычаги.

Я обхожу стол.

— Когда мой ассистент уже будет? — спрашиваю я злым голосом.

Мира мгновенно напрягается.

— Она уже завтра выйдет на работу.

— Опыт?

— Работала в международной строительной компании, затем два года была координатором проектов в Италии

— Почему вы не сообщили мне об этом раньше?

— Вы не спрашивали.

Я останавливаюсь.

В кабинете становится тихо.

Мира понимает, что сказала лишнее. Её плечи напрягаются, взгляд опускается к полу.

— Вы сейчас пытаетесь объяснить мне, как я должен выполнять свою работу?

— Нет, господин Амир.

— Тогда не отвечайте мне подобным тоном.

— Простите.

Я прохожу мимо неё. Мира отступает к стене, стараясь не задеть меня даже краем одежды. Люди всегда делают это. Отступают, когда я иду мимо. Иногда мне кажется, что они боятся, будто одно случайное прикосновение станет причиной их увольнения.

Возможно, они правы.

Я уже представляю, как уволю очередную ассистентку. Никто не может сделать то, что мне нужно. Одни забывают о встречах, другие путают документы, третьи считают, что достаточно улыбаться и приносить кофе.

Мне не нужен человек, который умеет улыбаться.

Мне нужен человек, который способен запоминать всё с первого раза, предугадывать мои решения и выполнять работу до того, как я успею отдать приказ.

Я прохожу в кабинет совещаний.

Все уже расселись.

Мустафа сидит справа от стола, положив перед собой закрытый блокнот. Он владелец нефтяной компании «Тиграш» и человек, привыкший к тому, что его слушают. Но рядом со мной он всегда ведёт себя осторожнее. Мустафа умеет просчитывать риски и редко говорит без подготовки, однако даже он не любит, когда я смотрю на него слишком долго.

Рядом с ним сидит его дочь Мария.

Я вижу её впервые.

Чёрные волосы уложены мягкими волнами, голубые глаза слишком яркие для этого холодного кабинета, губы пухлые — настолько, что это сразу бросается в глаза. На ней светлый костюм, идеально сидящий по фигуре, и дорогие часы. Она держится уверенно, но в её улыбке есть что-то вызывающее.

Она не выглядит испуганной.

Это раздражает.

Макар сидит напротив меня. Директор «Industries Qatar», компании с годовым оборотом около двадцати одного миллиарда. Он спокойный, сдержанный и редко вступает в разговор первым. Но если уж высказывается, то обычно по делу.

Джангир расположился ближе к экрану. Начальник отдела управления проектами. Высокий, худощавый, всегда собранный. Он отвечает за сроки, подрядчиков, внутренние отчёты и контроль исполнения. Если проект задерживается, я сначала смотрю на него.

Лейла сидит рядом с ним. Профильный IT-специалист и руководитель технической группы. Она подготовила сегодняшний проект и сейчас старается не показывать, насколько волнуется.

Сиена сидит напротив Лейлы. Наш аналитик. Она способна за несколько часов найти противоречия в отчёте, которые другие не замечают месяцами. Сиена не боится цифр, но боится моего недовольства. Разница между этими состояниями заметна.

Габриэль сидит слева от меня.

Мой близкий друг на протяжении четырёх лет.

Его компания «Koç Holding» приносит около сорока пяти миллиардов в год, и эта сумма продолжает увеличиваться. Мы добились этого вместе — тяжёлой работой, жёсткими переговорами и решениями, которые многие считали слишком рискованными.

Габриэль единственный в этой комнате, кто не опускает взгляд, когда я смотрю на него.

Он кивает мне.

Я отвечаю коротким кивком и сажусь посередине стола.

Здесь все свои.

Кроме одной.

Я поднимаю на неё взгляд.

Мария улыбается.

Не нервно. Не осторожно. Она просто улыбается, будто мы встретились не на деловом совещании, а на светском мероприятии.

— Господин Амир, — говорит Мустафа. — Это моя дочь Мария.

— Я понял.

— Она приехала из Лондона, чтобы научиться продвигать мою компанию и получить опыт работы с международными проектами.

— Здесь не учебный центр.

Мария слегка склоняет голову.

— Я знаю.

— Тогда вы понимаете, что никто не будет относиться к вам снисходительно из-за того, что вы дочь владельца компании.

— Я не рассчитываю на снисходительность.

— Хорошо. Потому что я её не предоставляю.

Улыбка на её лице становится чуть шире.

Мне это не нравится.

Мустафа неловко поправляет рукав пиджака.

— Мария закончила экономический факультет в Лондоне и проходила практику в нескольких международных компаниях.

— Диплом ещё никому не помог выполнить проект в срок.

— Но может помочь его правильно организовать, — отвечает Мария.

В комнате становится ещё тише.

Джангир едва заметно поднимает глаза от документов. Сиена перестаёт листать папку. Макар переводит взгляд на меня.

Я смотрю на Марию.

Она понимает, что перешла границу, но не отступает.

— Если вы пришли сюда спорить, — говорю я, — выбрали неправильное место.

— Я пришла работать.

— Тогда работайте. Говорить будете, когда вас спросят.

— Конечно, господин Амир.

Теперь её голос звучит мягче.

Но взгляд всё ещё остаётся уверенным.

Я отвожу от неё глаза.

Мустафа владеет компанией «Tugraş». Их нефтяной бизнес приносит почти двадцать пять миллиардов в год. Сумма внушительная, но недостаточная, чтобы сравниться с нами.

«Rönesans Holding» — один из крупнейших генеральных подрядчиков и девелоперов, реализующих масштабные инфраструктурные и коммерческие проекты в Турции и за её пределами. Мы занимаемся строительством транспортных узлов, аэропортов, медицинских комплексов, промышленных объектов, торговых центров и многофункциональных районов.

Наш годовой оборот составляет около семидесяти пяти миллиардов.

Это огромные деньги.

Но для меня цифры никогда не были поводом расслабляться. Они показывают не успех, а масштаб ответственности. Чем больше компания, тем больше людей зависит от решений, которые принимаются в одном кабинете.

У Габриэля — «Koç Holding», около сорока пяти миллиардов.

У Макара — «Industries Qatar», около двадцати одного миллиарда.

Наши компании развиты в разных направлениях, но мы часто пересекаемся в крупных международных проектах. Где-то выступаем партнёрами, где-то конкурентами, а иногда объединяем ресурсы ради сделок, которые невозможно реализовать в одиночку.

За последние четыре года мы добились того, на что другие тратили десятилетия.

Но теперь требовалось больше.

— Начинайте, — говорю я.

Джангир встаёт и берёт первую папку.

— На совещании будут рассмотрены три вопроса. Первый — продвижение нового технологического направления. Второй — подготовка международной презентации для инвесторов. Третий — распределение ответственности за проект расширения инфраструктурного комплекса в Анкаре.

Он делает паузу.

— Также необходимо утвердить бюджет на рекламную кампанию и согласовать сроки испытания продукта.

— Перейдите к первому вопросу.

Лейла кивает и подходит к экрану.

Она вставляет флешку, и на большом телевизоре появляется логотип проекта.

На экране открывается презентация: интеллектуальная система управления строительными объектами, объединяющая данные с камер наблюдения, датчиков, строительной техники и программ планирования. Система должна анализировать загрузку рабочих зон, отслеживать движение материалов, фиксировать нарушения техники безопасности и предупреждать о возможных задержках.

В теории проект выглядел убедительно.

В теории многие вещи выглядят убедительно.

— Проект получил рабочее название «Rönesans Vision», — начинает Лейла. — Его задача — объединить строительные процессы в единую цифровую систему. В настоящее время данные по объектам хранятся в разных программах и отделах. Из-за этого руководители получают информацию с задержкой, а часть решений принимается уже после возникновения проблемы.

На экране появляются схемы.

— Система будет собирать данные в режиме реального времени. Руководитель проекта сможет видеть состояние объекта, движение материалов, работу подрядчиков и выполнение этапов строительства через единую панель управления.

— Стоимость? — спрашивает Макар.

— Первый этап разработки — около ста двадцати миллионов долларов.

— Только разработка? — уточняет он.

— Да. Полный запуск на десяти объектах потребует ещё около двухсот миллионов.

Макар медленно откидывается на спинку кресла.

— И срок?

— От восьми до десяти месяцев на разработку и тестирование. После этого потребуется постепенное внедрение.

— Слишком долго, — говорит он.

Лейла сжимает пальцы на пульте.

— Это предварительный расчёт.

— Именно поэтому он должен быть точным.

Она открывает следующий слайд.

— Преимущество системы в том, что она позволит сократить задержки на строительных площадках, уменьшить потери материалов и снизить затраты на аварийные исправления. По предварительным расчётам, экономия может составить от восьми до двенадцати процентов на каждом крупном объекте.

— Предварительным? — спрашивает Сиена.

— Да.

— На основании чего рассчитан диапазон?

— Мы использовали данные трёх действующих объектов и сравнили их с показателями компаний, которые уже применяют похожие цифровые решения.

Сиена открывает папку.

— Я посмотрела эти данные. Два объекта находятся в Европе, один — в Южной Корее. Условия работы, стоимость рабочей силы и требования к подрядчикам отличаются от наших. Нельзя переносить показатели без дополнительной корректировки.

Лейла кивает.

— Мы учли региональные различия.

— Не полностью, — спокойно отвечает Сиена. — В приложении к отчёту нет расчёта по сезонным задержкам, влиянию поставщиков и разнице в законодательных требованиях.

— Мы собирались добавить этот раздел на следующем этапе.

— А инвестиции вы просите уже сейчас.

Лейла замолкает.

Я смотрю на экран.

Система действительно могла бы принести пользу. Но меня интересует не то, насколько красиво она выглядит в презентации. Меня интересует, сколько денег она сэкономит, кто будет отвечать за её внедрение и через какой срок я получу результат.

— Продолжайте, — говорю я.

Лейла переключает слайд.

— Второе направление — продвижение продукта среди международных партнёров. Мы предлагаем создать демонстрационный центр в Анкаре, где инвесторы смогут увидеть работу системы на макете строительного объекта.

— Стоимость центра? — спрашивает Габриэль.

— Около сорока миллионов долларов.

— За макет? — уточняет он.

— За полноценный демонстрационный комплекс. С оборудованием, серверной инфраструктурой, системой визуализации и зоной для переговоров.

— Аренда или строительство? — спрашивает Джангир.

— Строительство.

— Где?

— На территории нашего нового делового квартала.

Джангир листает документы.

— Там уже утверждены торговые площади и офисный блок. Если разместить центр на этой территории, нам придётся изменить планировку и перенести часть инженерных коммуникаций.

— Я не видела обновлённый план, — говорит Лейла.

— Потому что вы его не запросили, — отвечает Джангир.

Она краснеет.

Мария, до этого молчавшая, рассматривает презентацию с вниманием.

— В проекте есть ещё один вопрос, — говорит она.

Лейла поворачивается к ней.

— Какой?

— Кто будет клиентом этой системы?

— Строительные компании, инвесторы и государственные подрядчики.

— Это слишком широкая аудитория. Вы хотите продвигать технологию сразу для всех?

— Мы хотим показать, что система универсальна.

— Универсальность не всегда является преимуществом. Иногда продукт, рассчитанный на всех, не подходит никому.

Взгляд Марии скользит по документам.

— Здесь описаны технические характеристики, но почти нет информации о проблеме, которую продукт решает для каждого конкретного клиента. Для инвестора важна окупаемость. Для подрядчика — сроки и контроль. Для государства — безопасность, прозрачность и соответствие требованиям. Вы предлагаете одну презентацию для всех трёх групп.

Лейла нахмурилась.

— Мы собирались адаптировать материалы на этапе продвижения.

— Но стратегия продвижения уже включена в проект, — отвечает Мария. — Значит, адаптация должна быть предусмотрена сейчас.

Она говорит уверенно, без дрожи.

Я перевожу взгляд на Мустафу.

Он внимательно слушает дочь, но выглядит настороженно.

— Мария работала с международным маркетингом, — объясняет он. — Она знакома с подобными стратегиями.

— Знание маркетинга не заменяет знания строительного рынка, — говорю я.

— Я не утверждаю обратного, — отвечает она. — Но если продукт хотят продавать, его нужно правильно представить.

В комнате никто не двигается.

Мне не нравится её манера разговаривать. Она ведёт себя так, будто не понимает, что находится в комнате, где решения принимаю я.

— Дальше, — говорю Лейле.

Она переключает слайд.

— Мы предлагаем начать продвижение с закрытой презентации для двадцати крупных инвесторов. Затем организовать рекламную кампанию в деловых изданиях Турции, Катара, Великобритании и Германии. После этого — выступление на международной выставке строительных технологий.

— В каком формате? — спрашивает Габриэль.

— Стенд, интерактивная демонстрация и выступление представителя компании.

— Кто будет выступать?

— Предварительно господин Джангир.

Джангир поднимает глаза.

— Меня об этом не предупреждали.

— Это было в приложении к документам.

— Я не соглашался.

— Вы не обязаны соглашаться, — говорю я. — Если вам поручено выступить, вы выступите.

Джангир сразу замолкает.

— Есть ли готовый сценарий? — спрашивает Габриэль.

— Пока нет.

— Тогда как вы оценили сроки подготовки?

Лейла смотрит на свои бумаги.

— Мы планировали подготовить его после утверждения концепции.

— Получается, вы просите утвердить кампанию, не имея сценария, целевой аудитории и окончательного бюджета, — заключает Габриэль.

Лейла нервно проводит языком по губам.

— Основная структура готова.

— Нам нужна не основная структура, — говорит Макар. — Нам нужен работающий план.

Он берёт лист с расчётами.

— Здесь указано, что рекламная кампания принесёт около пятисот миллионов долларов дополнительной прибыли в течение первого года. На чём основан этот прогноз?

— На потенциальном количестве клиентов и средней стоимости лицензии.

— Потенциальном?

— Да.

— То есть это не подтверждённые договорённости.

— Пока нет.

Макар усмехается без радости.

— Тогда это не прогноз. Это желание.

Лейла бледнеет.

Я замечаю, как она сильнее сжимает папку.

— Господин Амир, — говорит Джангир. — В оперативном плане также есть проблема со сроками внедрения. Если первый рабочий прототип будет готов через восемь месяцев, мы не успеем провести полноценное испытание до начала нового строительного сезона.

— Почему это не отражено в презентации?

— Я передал замечание отделу разработки.

Лейла поворачивается к нему.

— Вы передали его вчера вечером.

— Потому что получил ваши материалы вчера вечером.

— Вы могли предупредить меня раньше.

— Я не обязан напоминать руководителю проекта о сроках.

Я постукиваю пальцами по столу.

Все замолкают.

Этот звук действует на них лучше любого приказа.

— Лейла, — произношу я, — вы подготовили проект, не согласовав его с отделом управления объектами, аналитиками и финансовым департаментом?

— Я проводила консультации.

— С кем?

— С технической группой.

— Я спросил не это.

— С отделом управления проектами я обсуждала общую структуру.

— А с финансовым отделом?

Она молчит.

Этого достаточно.

— Вы запросили двести миллионов долларов на внедрение, но не проверили финансовую модель. Вы предложили демонстрационный центр, не изучив планировку территории. Вы указали сроки, которые не согласованы с операционным отделом. И вы хотите, чтобы я утвердил этот проект?

— Я могу исправить недостатки.

— Вы должны были не допустить их.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаете.

Мой голос становится тише.

Обычно это пугает людей больше, чем крик.

— Если бы вы понимали, вы бы не принесли мне незавершённую работу.

Лейла опускает голову.

— Я думала, что основная концепция...

— Мне не нужны ваши мысли. Мне нужен результат.

Сиена перелистывает несколько страниц.

— Если позволите, я добавлю. Кроме финансовой модели, в проекте отсутствует анализ конкурентов. На рынке уже работают три похожие системы. У двух из них есть готовая инфраструктура и контракты с крупными подрядчиками.

— Почему это не было указано? — спрашиваю я.

Сиена отвечает не сразу.

— Потому что проект поступил к нам поздно. Я получила полный пакет документов только утром.

Я смотрю на Джангира.

Он выпрямляется.

— Документы были переданы мне после полуночи. Я распорядился разослать их утром.

— Кто установил срок подготовки?

— Лейла.

Я перевожу взгляд обратно на неё.

— Вы дали отделу меньше суток на проверку проекта?

— Нам требовалось представить его на сегодняшнем совещании.

— Вы сами поставили себе этот срок.

— Да.

— Тогда объясните, почему я должен отвечать за вашу спешку?

Лейла молчит.

Макар просматривает таблицу.

— Также здесь нет отдельного бюджета на обслуживание серверов и кибербезопасность.

Лейла поворачивается к нему.

— Этот раздел ещё не был завершён.

— Но он нужен для оценки проекта.

— Да.

— Значит, проект не готов.

— Да.

— Тогда почему он находится на столе директора?

Лейла не отвечает.

Я закрываю папку.

— Каждый присутствующий выскажет своё мнение. По очереди.

Никто не спорит.

Я смотрю на Джангира.

— Начинайте.

Он выпрямляется и кладёт руки на стол.

— Концепция может быть полезной для компании. Единая система действительно способна сократить задержки, особенно на объектах, где работает большое количество подрядчиков. Но сроки, указанные Лейлой, нереалистичны. Для полноценной проверки потребуется минимум один пилотный объект, отдельная команда контроля и постоянное присутствие технических специалистов на строительной площадке. Кроме того, нужно заранее определить, кто имеет право изменять данные в системе и кто отвечает за их сохранность.

— Продолжайте.

— Я также считаю, что нельзя запускать проект одновременно на десяти объектах. Это создаст слишком много точек риска. Нужно выбрать один объект с высокой сложностью, но управляемым количеством подрядчиков. Например, транспортный узел в Анкаре.

— Срок?

— Три месяца на подготовку инфраструктуры, четыре месяца на тестирование. После этого можно принимать решение о расширении.

Я киваю.

— Сиена.

Она расправляет документы.

— Финансовая модель Лейлы требует полной переработки. В ней используются оптимистичные показатели экономии, но не учитываются затраты на адаптацию оборудования, обучение, защиту данных и техническую поддержку.

— Чётче.

— При минимальном сценарии мы запускаем пилот на одном объекте и тратим не более двадцати миллионов долларов. Базовый вариант включает три объекта и расширенную техническую команду. Расширенный предполагает десять объектов, международную рекламную кампанию и демонстрационный центр. Сейчас рассматривать расширенный вариант преждевременно.

— Сколько времени вам потребуется?

— Две недели на финансовую модель и ещё неделю на проверку данных.

— Слишком долго.

— Если нужно качественно, меньше времени не будет.

В комнате становится тихо.

Сиена — одна из немногих, кто иногда говорит мне правду прямо. Именно поэтому она до сих пор работает здесь.

— Десять дней, — говорю я. — Без потери точности.

— Принято.

Я смотрю на Макара.

— Ваше мнение.

Он складывает руки перед собой.

— Технически идея перспективная, но проект пытается продать нам видение вместо продукта. В промышленном секторе нельзя вкладывать сотни миллионов в обещание. Нам нужны результаты на конкретном объекте. Если система снизит простои хотя бы на пять процентов и сократит потери материалов, мы сможем говорить о дальнейшем финансировании.

— Что ещё?

— Нужно определить поставщиков. Если оборудование будет закупаться у одной компании, мы станем зависимыми от неё. Нужны минимум два альтернативных поставщика по каждому ключевому компоненту.

— Джангир?

— Организую.

— И проследите, чтобы они не выставляли нам цены для новичков.

— Конечно.

Я поворачиваюсь к Габриэлю.

Он всё это время молчит, но его взгляд внимательно следит за каждым участником совещания.

— Я считаю, что проект стоит сохранить, — говорит он. — Но не в том виде, в котором его представили. Лейла хорошо объяснила техническую часть, однако не показала, как проект будет приносить деньги. Нам нужен не красивый продукт, а инструмент, который увеличит прибыль или уменьшит потери.

Он обращается к Лейле:

— В презентации много информации о функциях системы, но почти ничего о том, что увидит клиент. Если я инвестор, почему я должен выбрать вас, а не конкурента? Если я подрядчик, почему должен менять уже работающую систему? Если я государственный заказчик, какие гарантии вы предоставляете?

Лейла смотрит на него.

— Мы можем добавить эти разделы.

— Не добавить, а переработать. И отдельно показать каждую аудиторию.

— Поняла.

Габриэль переводит взгляд на меня.

— Ещё я бы не начинал с публичной рекламной кампании. Сначала закрытая демонстрация для партнёров, затем пилот, потом публикация результатов. Если мы заявим о продукте слишком рано и не сможем подтвердить показатели, это ударит по репутации.

— Согласен, — говорю я.

Мария слегка поворачивается ко мне.

Я замечаю это краем глаза, но не реагирую.

— Мустафа, — говорю я. — Теперь вы.

Он сцепляет пальцы.

— Проект может быть полезен не только для строительных объектов. В нефтяной отрасли также есть крупные площадки, где требуется контроль оборудования и безопасность.

— Вы готовы предоставить один объект «Тиграш» для тестирования?

Мустафа смотрит на Марию, потом снова на меня.

— Если будут прописаны условия ответственности и защиты данных — да.

— Вам нужны особые условия?

— Нет. Мне нужны гарантии, что внутренняя информация компании не окажется у конкурентов.

— Если информация окажется у конкурентов, отвечать будет техническая команда. Но это не даёт вам права тормозить проект.

— Я не собираюсь его тормозить.

— Хорошо.

Я перевожу взгляд на Марию.

— Вы.

Она не выглядит удивлённой. Будто ожидала, что я обращусь к ней.

— Я считаю, что Лейла слишком рано начала с масштабирования. Нужно определить позиционирование продукта, разделить аудитории и создать отдельные предложения для каждой. Для инвесторов — финансовая выгода и срок окупаемости. Для подрядчиков — сокращение простоев и контроль выполнения. Для государственных структур — прозрачность, безопасность и соответствие нормативам.

Она говорит спокойно.

— Также я бы не использовала в рекламе слова вроде «революционная система» и «полное изменение отрасли». Такие формулировки вызывают недоверие, если за ними нет подтверждённых результатов. Лучше показать конкретные цифры после пилотного запуска.

— Вы хотите сказать, что презентация Лейлы вызывает недоверие?

— Я хочу сказать, что она не отвечает на вопросы потенциального клиента.

Лейла отводит глаза.

— И ещё, — продолжает Мария, — нужен человек, который будет координировать техническую команду, аналитиков и отдел продвижения. Сейчас у каждого своя часть работы, но нет единого центра ответственности.

— Есть руководитель проекта, — говорю я.

— Формально — да. Но у Лейлы нет опыта ведения международной кампании, а у отдела продвижения нет технической подготовки. Им будет сложно работать без координатора.

— И вы готовы им стать?

Мустафа мгновенно напрягается.

Мария смотрит прямо на меня.

— Если вы считаете, что я подхожу.

Она снова улыбается.

Слишком уверенно.

— Я ещё ничего не решил.

— Тогда я просто предложила.

— Ваши предложения должны быть обоснованы.

— Они обоснованы.

Я смотрю на неё несколько секунд.

Это начинает раздражать сильнее, чем должно.

— Господин Амир, — вмешивается Мустафа, — Мария действительно может помочь с международной частью проекта. Она работала в Лондоне и знает, как выстраиваются деловые презентации для иностранных инвесторов.

— Здесь ей придётся работать не в Лондоне.

— Она понимает.

— Вы так уверены?

— Да.

— Уверенность отца ещё не является доказательством компетентности дочери.

Мустафа сжимает челюсть, но ничего не отвечает.

Мария сохраняет спокойствие.

— Тогда дайте мне доказать компетентность работой.

На этот раз её слова звучат не вызывающе, а чётко.

Я снова смотрю на документы.

Лейла подготовила слабый проект. Не бесполезный, но незавершённый. Ей не хватило опыта, дисциплины и способности видеть картину целиком. Она потратила время на оформление презентации, но не провела необходимые расчёты.

Такие ошибки я не прощаю.

— Госпожа Лейла, — говорю я. — Вы подготовите проект заново.

Она резко поднимает голову.

— Господин Амир...

— Я ещё не закончил.

Она замолкает.

— Новая версия должна включать финансовую модель, анализ конкурентов, три сценария запуска, список поставщиков, план защиты данных, календарь внедрения и прогноз окупаемости. Каждый расход должен быть обоснован. Каждый срок — подтверждён руководителем соответствующего отдела.

— Да.

— Кроме того, вы подготовите отдельные технические документы для строительного и промышленного объектов.

— Понимаю.

— Нет. Вы будете понимать, когда принесёте результат.

Она бледнеет.

— Я исправлю недостатки.

— Сколько времени вам потребуется?

Лейла смотрит на Джангира, затем на Сиену.

— Минимум шесть месяцев, чтобы подготовить всё качественно.
Я усмехаюсь.

— Шесть месяцев?

— На полный проект, тестирование и согласование.

— Нам нужен рабочий вариант в следующем месяце.

— Это невозможно.

В комнате будто снижается температура.

Лейла сама понимает, что сказала.

— Невозможно? — повторяю я.

— Полный вариант — да. Но можно подготовить пилотную версию.

— Вы только что сказали, что вам потребуется полгода.

— Я имела в виду полноценную стратегию.

— А мне нужна стратегия, которая работает в срок.

Она опускает глаза.

— Я постараюсь.

— Не старайтесь. Сделайте.

— Да, господин Амир.

— И если в новой версии снова будут ошибки, вы больше не будете руководить этим направлением.

Лейла молчит.

— Вы меня услышали?

— Да.

— Ответьте.

— Услышала.

Я откидываюсь на спинку кресла.

— Тогда проект передаётся другому человеку.

Лейла резко поднимает взгляд.

— Господин Амир, пожалуйста, дайте мне шанс. Я исправлю недостатки.

— Вы уже получили шанс. Он назывался сегодняшним совещанием.

— Но я могу...

— Вы совершили ошибку, Лейла.

— Одну ошибку.

— Одной ошибки достаточно, если она показывает отношение к работе.

— Я не относилась к работе безответственно.

— Вы принесли мне незавершённый проект и попросили выделить на него сотни миллионов долларов. Это и есть безответственность.

Её глаза наполняются слезами, но она старается не плакать.

Меня это не трогает.

Она получает зарплату за результат, а не за эмоциональную реакцию на критику.

— Лучше передать проект кому-то другому, Лейла, — говорю я властным тоном. — Вам нужно полгода. Нам этот проект нужен в следующем месяце.

— Согласен, — отвечает Габриэль.

Лейла смотрит на него, будто надеется на поддержку, но он не отводит взгляда.

— Если сроки критичны, — добавляет он, — лучше назначить временного руководителя и оставить Лейлу в технической группе. Она знает архитектуру системы, но управление всей стратегией ей пока не по силам.

— Именно так и будет, — говорю я.

Лейла медленно кивает.

— Поняла.

— Не расстраивайтесь, — сухо произносит Макар. — Вы всё ещё можете быть полезны в технической части.

Она сжимает губы.

— Спасибо.

— Джангир, подготовьте приказ о перераспределении обязанностей.

— Да, господин Амир.

— Сиена, через десять дней мне нужна новая финансовая модель.

— Будет готова.

— Макар, составьте перечень возможных промышленных объектов для пилотирования.

— К концу недели.

— Габриэль, организуйте встречу с вашими техническими консультантами. Нам нужен независимый аудит архитектуры системы.

— Сделаю.

Я смотрю на Марию.

— А вы.

Она выпрямляется.

— Да?

— Вы хотели участвовать в проекте.

— Да.

— Теперь будете участвовать.

Мустафа поднимает взгляд.

— Амир, Мари только начала...

— Я слышал, что она хочет работать.

Мария краснеет. На этот раз я замечая, что её реакция не похожа на страх. Скорее, она пытается скрыть довольство.

— Конечно, — говорит она с улыбкой.

Я вздыхаю.

— Не улыбайтесь так, будто я предложил вам личную услугу. Это работа.

— Я понимаю.

Она произносит это легко, почти играючи.

Мустафа бросает на неё предупреждающий взгляд.

Я замечая это.

— Вы будете отвечать за международную часть презентации, координацию отдела продвижения и подготовку материалов для инвесторов. Но не будете самостоятельно утверждать бюджет, менять технические требования или подписывать документы.

— Хорошо.

— Все материалы проходят через меня.

— Поняла.

— Первый отчёт завтра в девять утра.

Её улыбка исчезает.

— Завтра?

— Вы рассчитывали начать через неделю?

— Нет.

— Тогда завтра.

— Я подготовлю предварительную структуру.

— Мне не нужна предварительная структура. Мне нужен список задач, сроки и ответственные.

Она делает паузу.

— Хорошо.

— Если вы опоздаете хотя бы на пять минут, проект перейдёт другому человеку.

— Я не опоздаю.

Я закрываю папку и встаю.

Все остальные поднимаются почти одновременно.

— Совещание окончено.

Джангир первым отодвигает стул и направляется к двери. Он старается двигаться быстро, но не слишком резко. Лейла собирает документы дрожащими руками. Сиена помогает ей сложить бумаги, хотя сама остаётся невозмутимой.

Макар молча убирает планшет в портфель.

Габриэль задерживается на несколько секунд, но ничего не говорит. Он знает: если я принял решение, обсуждать его нужно не при остальных.

Мария остаётся стоять рядом с Мустафой.

— Господин Амир, — обращается она.

Я поворачиваю голову.

— Что?

— Хотелось бы кое-что уточнить позже.

— Вас проведут в любое время в мой кабинет, если это будет необходимо.

— Даже без предварительной записи?

— Не злоупотребляйте разрешением.

— Не буду.

Она снова улыбается.

Я ничего не отвечаю и выхожу из кабинета.

Коридор мгновенно оживает. Сотрудники, стоявшие у переговорной, расступаются. Некоторые делают вид, что заняты телефонами. Другие смотрят в документы, хотя ещё секунду назад разговаривали между собой.

Я иду по коридору, не замедляя шага.

— Добрый день, господин Амир, — произносит один из менеджеров.

Я не отвечаю.

Он бледнеет и отходит в сторону.

Я продолжаю идти.

Именно поэтому меня боятся.

Я не позволяю превращать рабочие ошибки в долгие объяснения. В компании не должно быть места жалости, особенно когда речь идёт о крупных контрактах. Каждый сотрудник знает свои обязанности. Каждый знает сроки. Каждый получает доступ к ресурсам и информации.

Если человек не справляется, он должен освободить место тому, кто справится.

Я подхожу к лифту.

Джангир уже ждёт у соседних дверей, но, увидев меня, отходит в сторону. Он нажимает кнопку вызова другого лифта и опускает взгляд.

Мне всё равно.

Я проверяю телефон.

На экране несколько сообщений от охраны, бухгалтерии и личного водителя. Одно сообщение от Алии — моей бабушки.

Я открываю его.

«Амир, позвони мне, как освободишься».

Я нажимаю кнопку вызова.

Она отвечает почти сразу.

— Слушаю, бабушка.

— Тереза заставляет меня пить какие-то лекарства, — говорит она недовольно.

— Бабушка, ты же знаешь, что врач сказал тебе их принимать.

— Не хочу я их пить.
— Тебе нужно соблюдать назначение.
— Не буду.
— Бабушка.
— Амир, они делают меня сонной. От них у меня голова тяжёлая.
— Ты говорила об этом врачу?
— Не хочу я говорить врачу.

Я закрываю глаза и медленно выдыхаю.

Со всеми остальными я мог говорить жёстко. Мог прервать, приказать, уволить, заставить выполнять распоряжения. Но с ней это не работало.

Алия была единственным человеком, рядом с которым я не обязан был быть директором. Единственным, с кем мог говорить искренне.

И добрым.

— Лекарства выписаны не просто так, — говорю я уже мягче. — Если тебе плохо, мы поменяем препарат. Но ты должна принимать его до консультации.

— Не хочу.
— Бабушка.
— Амир, я сказала, что не буду.
Я смотрю на закрытые двери лифта.
— Хорошо. Я сейчас буду.

Я отключаюсь.

Двери лифта открываются.

Я делаю шаг вперёд — и замираю.

Внутри стоит девушка.

Она уткнулась в планшет и что-то печатает. На ней тёмное пальто, под ним нежно желтая футболка. Волосы уложены волнами сзади, несколько прядей падают на лицо. Она выглядит сосредоточенной и не замечает меня сразу.

Потом поднимает глаза.

И я никогда не забуду эти глаза. Айла.

Глава 3

Глава 3 Айла

Не могу поверить.

Я действительно в Турции.

Спустя четыре года я снова стою на земле, которую когда-то покинула, поклявшись никогда сюда не возвращаться. Четыре года — достаточно долгий срок, чтобы изменить привычки, голос, походку и даже собственное отражение в зеркале. Но, как оказалось, недостаточно, чтобы забыть город, улицы и людей, от которых я уехала.

Я думала, что больше никогда не буду скучать по родному городу.

Ошибалась.

Иногда память возвращала мне запах дождя на старой каменной дороге, шум вечерних кафе, тёплый ветер с моря и голоса людей, говоривших на знакомом языке. Раньше всё это казалось мне тесным, душным и невыносимым. А теперь я смотрела из окна такси на пролетающие мимо здания и чувствовала странное, почти болезненное волнение.

Словно город всё это время ждал моего возвращения.

— Ты опять задумалась, — сказала Стефани, толкнув меня плечом.

— Я просто смотрю в окно.

— Ты смотришь в окно уже двадцать минут и ни разу не моргнула.

— Может, я научилась не моргать.

Стефани усмехнулась и снова отвернулась к стеклу. Она сидела рядом со мной, держа на коленях небольшой рюкзак, в котором, судя по всему, находилось всё необходимое для выживания: вода, зарядное устройство, косметичка, печенье и три вида обезболивающих.

Узай сидел впереди. Он то и дело оборачивался, словно хотел убедиться, что мы не исчезли по дороге.

Такси свернуло на широкую улицу, окружённую стеклянными зданиями. Солнце отражалось от фасадов, превращая их в ослепительные стены. Впереди, за рядами деревьев, возвышалась башня, похожая на гигантский клинок, вонзённый в самое небо.

Я подняла голову.

Даже из машины здание казалось невероятно высоким.

— Вот это и есть ваша компания, — сказал Узай.

Стефани присвистнула.

— Я думала, мы будем работать в обычном офисе.

— Компания не обычная, — ответил он.

— А директор, наверное, сидит на последнем этаже и смотрит на всех сверху вниз, — пробормотала я.

Узай посмотрел на меня через зеркало.

— Возможно, именно так.

Я не придавала его словам значения.

Тогда я ещё не знала, насколько близко он оказался к правде.

Такси остановилось у небольшого жилого комплекса. Наша квартира находилась в соседнем здании, и, несмотря на высокую стоимость аренды, она оказалась гораздо скромнее, чем мы представляли.

Три комнаты, небольшая кухня, узкий коридор и балкон, с которого открывался вид на оживлённую улицу.

— Это маленькая квартира, — сказала Стефани, оглядываясь.

— Зато наша.

— И дорогая.

— Зато наша, — повторила я.

Мне нравилось одиночество. Не полное и холодное, а такое, в котором можно закрыть дверь, снять обувь, оставить телефон на столе и не объяснять никому, почему хочется молчать.

Я любила проводить время со Стефани. Она была моей близкой подругой, почти сестрой. Но даже рядом с ней мне иногда требовалось пространство, где я могла бы побыть только собой.

К тому же квартира была первым местом за долгое время, которое принадлежало нам. Здесь никто не мог сказать, как нам одеваться, когда возвращаться и с кем разговаривать.

Мы бросили чемоданы в гостиной и договорились распаковать их на следующий день. Сначала каждая выбрала себе комнату, затем мы по очереди приняли душ и начали решать, что надеть для первого визита в компанию.

— Уф, Айла, я не знаю, что надеть, — пожаловалась Стефани, стоя перед открытым чемоданом. — Я хочу выглядеть профессионально, но не так, будто собираюсь на собеседование в министерство.

— Надень белое платье.

— Оно слишком обтягивающее.

— Ты сама его выбрала.

— Именно поэтому я и спрашиваю тебя, а не себя.

Я улыбнулась и достала из чемодана синие джинсы. Сверху надела нежно-жёлтую футболку свободного кроя. Спереди она сидела довольно свободно, но на талии слегка облегла фигуру. Такие футболки обычно называли «летучая мышь».

Я распустила волосы и уложила их мягкими волнами. На ресницы нанесла синюю тушь, которая подчёркивала зелёный цвет моих глаз. На губы — лёгкий оттенок блеска. Они от природы были пухлыми, поэтому я редко пользовалась яркой помадой.

На запястье закрепила часы.

— Готово, — сказала я.

Стефани наконец определилась с нарядом. Она собрала волосы в аккуратный хвост и надела красивое белое платье. Ткань плотно облегла её фигуру, но выглядела сдержанно и элегантно.

Её глаза были редкого оттенка — между зелёным и карим. Иногда они становились почти зелёными, иногда приобретали тёплый коричневый цвет. Я никогда не понимала, как это работает.

— Ты выглядишь слишком хорошо, — сказала я.

— А ты слишком спокойно это говоришь.

— Я завидую молча.

— Вот теперь звучит правдоподобно.

Мы рассмеялись, но веселье быстро прошло, когда зазвонил мой телефон.

На экране высветилось имя брата.

— Айла, ты добралась? — голос Салиха звучал устало.

— Да, брат. Мы уже на месте, обустроиваемся.

— Береги себя. И... не ищи неприятностей.

Я усмехнулась. Салих всегда знал, что я мастер находить проблемы там, где их нет.

После моего отъезда я почти ничего не знала о них. Иногда слышала обрывки разговоров от общих знакомых, иногда получала короткие сообщения от родственников, но ни один рассказ не звучал спокойно.

Их отношения всегда были сложными.

Настолько сложными, что мы однажды всерьёз обсуждали, что однажды обнаружим Амину мёртвой — или Салиха.

Я тогда не знала, кого из них следует бояться больше.

У входа в компанию нас уже ждал Узай. Он приехал раньше, чтобы забрать какие-то документы, но, увидев нас, улыбнулся.

— О мой... — Он запрокинул голову и посмотрел на здание. — Айла, что это за место? Здесь столько этажей, что у меня голова кружится.

— Согласна, — сказала Стефани. — У меня ощущение, что если посмотреть наверх слишком долго, можно потерять сознание.

Честно говоря, я с детства не любила высоту. Это не был панический страх, но если существовала возможность не подниматься куда-то высоко, я предпочитала ей воспользоваться.

Мы вошли в холл.

Внутри всё было выполнено в холодных оттенках: стекло, металл, камень. Пол блестел так, будто его полировали каждый час. У дальней стены располагалась стойка регистрации, за которой сидели две девушки.

Мы подошли ближе.

— Здравствуйте, — сказала Стефани. — Мы по поводу документов.

Одна из девушек подняла взгляд.

— Эм... привет. Вам кто нужен?

Она выглядела очень молодой. Возможно, ей было не больше двадцати двух лет.

— Мира, — ответила я.

— А, всё поняла. Она сейчас на сорок пятом этаже. С директором.

Я замерла.

Сорок пятый этаж.

— А когда она придёт? — спросила я.

— Не знаю. Но она велела отправить вас наверх, как только вы появитесь.

В этот момент сзади подошёл парень с кудрявыми волосами и доброжелательной улыбкой.

— Вы те самые девушки, которые устроились к нам?

— Да, — ответила Стефани.

— Добро пожаловать в наш коллектив, милые девочки. Меня зовут Аким, а это Лиана. Девушка за стойкой смущённо улыбнулась.

— Айла, — представилась я. — А это моя подруга Стефани.

— Очень приятно, — сказал Аким. — Мира велела отправить вас на сорок пятый этаж.

Кабинет 4040. Там она вас примет.

Я машинально сжала планшет.

— Лифт прямо и направо, — добавил Аким.

— Спасибо, — поблагодарила Стефани.

Мы направились к лифтам.

Пока двери открывались, я пыталась убедить себя, что напряжение связано только с высотой, новым местом и первым рабочим днём.

Ничего другого.

Совершенно ничего.

В лифте было непривычно тихо.

Стефани смотрела на цифры над дверью, Узай листал сообщения в телефоне, а я открыла планшет и начала читать договор.

Мне требовалось сосредоточиться на чём-то конкретном.

Название должности.

Рабочие часы.

Обязанности.

Заработная плата.

Стандартные пункты, которые должны были успокаивать, но вместо этого расплывались перед глазами.

— Мы уже сто лет едем, — пробормотала Стефани.

— Прошло двадцать секунд, — ответил Узай.

— Это самые долгие двадцать секунд в моей жизни.

Лифт остановился на сороковом этаже.

Двери открылись.

В кабину вошли двое мужчин.

Я подняла голову — и забыла, как дышать.

Амир.

Сначала я узнала его по взгляду.

Некогда я могла различить его в любой толпе: по прямой спине, сдержанным движениям, холодному выражению лица. Но за четыре года он изменился.

Амир стал выше — или мне так казалось. Его плечи стали шире, черты лица резче, а взгляд ещё тяжелее. Он выглядел человеком, который давно перестал просить и привык получать всё, что хотел.

Он увидел меня.

На одну короткую секунду наши взгляды встретились.

И в этой секунде поместилось слишком многое.

Четыре года молчания.

Обещания, которые не были выполнены.

Разговор, после которого я уехала.

Его рука, отпущенная слишком поздно.

Мой чемодан у двери.

Слова, которые я так и не сказала.

Амир отвернулся первым.

Словно я была обычной незнакомкой.

Я посмотрела на его отражение в металлической стене лифта. Он даже не шевельнулся.

— Айла? — тихо произнесла Стефани.

Я не ответила.

Её пальцы коснулись моего запястья, но я почти не почувствовала этого.

Лифт продолжал подниматься.

Каждая цифра на табло казалась ударом.

Сорок первый.

Сорок второй.

Сорок третий.

Амир стоял всего в нескольких шагах, но ощущался человеком из другой жизни.

На сорок пятом этаже двери открылись.

Амир вышел первым.

Я последовала за ним.

Мы шли в одном направлении.

С каждым шагом тревога становилась сильнее.

— Неужели... — прошептала Стефани.

Я не ответила.

Впереди Амир остановился у двери с табличкой 4040.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

Амир Каримов.

Я быстро открыла планшет и набрала запрос в поисковой строке внутреннего сайта компании.

Результат появился почти сразу.

Амир Каримов — генеральный директор.

Мне не хватило воздуха.

Он вошёл в кабинет.

Я осталась неподвижной.

— Айла, ты в порядке? — спросила Стефани.

— Да.

— Ты побледнела.

— Я сказала, что всё хорошо.

— Это не выглядит как «всё хорошо».

Я стиснула зубы.

— Я тебе потом расскажу.

— Потом — это когда?

— Когда мы выйдем отсюда.

Стефани посмотрела на закрывающуюся дверь.

— Я уже начинаю думать, что выйти отсюда будет непросто.

Я не успела ответить.

Мира открыла дверь изнутри.

— Девушки, заходите. Господин Амир не любит ждать.

Кабинет оказался огромным.

Если сложить пять наших квартир и поставить их рядом, они всё равно показались бы маленькими по сравнению с этим пространством.

Высокие окна занимали почти всю стену. Внизу раскинулся город — шумный, живой, крошечный. Машины двигались по улицам тонкими светящимися линиями, люди казались точками.

В кабинете стояла массивная мебель из тёмного дерева, несколько шкафов с папками, длинный стол для совещаний и отдельная зона с креслами.

Амир сидел за своим столом.

Он не работал. Просто ждал.

Его взгляд сразу остановился на мне.

Я почувствовала его почти физически — как жар от огня, к которому нельзя приближаться.

Рядом с ним стоял незнакомый мужчина в строгом костюме. Он держал в руках папку и смотрел на нас с плохо скрываемым раздражением.

Мира подошла ближе.

— Девушки, это наш директор компании.

— Здравствуйте, — сказала Стефани.

Я не могла открыть рот.

Стефани слегка толкнула меня локтем.

— Здравствуйте, — наконец произнесла я.

Амир не ответил.

Он продолжал смотреть на меня, словно пытался понять, была ли моя встреча с ним случайной или заранее спланированной.

— Садитесь, — сказал он.

Голос звучал так же, как раньше.

Только теперь в нём не было ни тепла, ни доверия.

Мы сели напротив стола.

Мира разложила перед нами документы.

— Здесь трудовые соглашения, правила внутреннего распорядка, соглашение о конфиденциальности и график обучения.

— Быстрее подпишите документы, — сказал мужчина рядом с Амиром. — Господин Каримов торопится.

Я подняла на него глаза.

— Мы можем ознакомиться с документами?

Он холодно усмехнулся.

— Для этого вы их и получили.

— Тогда мы ознакомимся.

В кабинете стало тихо.

Стефани замерла с ручкой в руке.

Мира опустила глаза.

А Амир откинулся в кресле.

На его лице появилась едва заметная улыбка, но от неё мне стало только хуже.

— Ты всегда любила спорить с теми, кто сильнее тебя, — произнёс он.

Я сжала ручку.

— Мы раньше встречались?

Мужчина рядом с ним повернул голову.

Стефани резко вдохнула.

Амир не изменился в лице, но его взгляд стал темнее.

— Нет, — ответил он. — Я прекрасно запоминаю людей, которые пытаются привлечь к себе внимание.

— Тогда мне не о чем беспокоиться.

— Это мы ещё проверим.

Я опустила глаза к документам.

Текст передо мной расплывался, но я заставила себя читать каждую строку.

Внутренний распорядок компании был жёстким. Запрещалось опаздывать, покидать рабочее место без разрешения, передавать внутреннюю информацию, вмешиваться в дела руководителей и вступать в конфликт с коллегами.

Отдельным пунктом было указано, что ассистент генерального директора обязан быть доступен в рабочее время в любой момент.

А ниже стояла короткая фраза:

Любое нарушение может повлечь немедленное расторжение договора.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Какая из них моя ассистентка? — спросил Амир у Миры.

Я подняла взгляд.

— Ваша ассистентка — Айла, — ответила Мира. — Девушка слева. Айла Сайдаева. Окончила университет с отличием, имеет опыт работы с документами, деловой переписки и организации проектов.

Амир медленно повернул голову в мою сторону.

— Объясни ей мои правила.

— Я сама умею читать, — сказала я.

— Я не спрашивал, умеешь ли ты читать.

— Тогда зачем вы просите Миру объяснить мне очевидное?

Мужчина рядом с ним раздражённо положил папку на стол.

— Девушка, вы находитесь в кабинете генерального директора. Следите за тоном.

Я посмотрела на него.

— Я говорю спокойно.

— Пока.

Амир поднял руку, останавливая его.

— Одну ошибку — увольнение, — произнёс он, обращаясь ко мне. — Неважно, насколько хорошее у тебя образование. Неважно, кто тебя рекомендовал. Неважно, сколько лет ты работала до этого.

Его голос был спокойным, но каждое слово звучало как приказ.

— Можете не переживать, господин Амир, — ответила я. — Я не совершу ошибок.

На мгновение его взгляд изменился.

Он понял.

Конечно, понял.

Я не совершу прежней ошибки.

Не уйду первой.

Не покажу, что мне больно.

Не позволю ему снова разрушить мою жизнь.

— Очень рад, что вы так нацелены остаться у нас, госпожа... — Он сделал паузу. — Как вас там? Айла?

Он забыл моё имя.

Или делал вид, что забыл.

Я почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Вы можете называть меня Айла.

— Я и собирался.

— Вы ведь раньше прекрасно помнили моё имя.

Стефани посмотрела на нас с подозрением.

Амир медленно поднялся из-за стола.

Он был выше, чем я помнила. Или, возможно, я просто стала меньше рядом с ним.

— Прошрое не имеет отношения к работе, — сказал он.

— Тогда и ваше отношение ко мне не должно иметь отношения к моим обязанностям.

— Ты уверена, что сможешь разделить одно с другим?

— А вы?

В кабинете стало настолько тихо, что я услышала гул кондиционера.

Амир подошёл ближе.

Не слишком близко, но достаточно, чтобы я почувствовала знакомый запах его парфюма — древесный, прохладный, с лёгкой горчинкой.

Когда-то этот запах казался мне безопасным.

Теперь он напоминал о том, что я пыталась забыть.

— Айла, — произнёс он тихо, чтобы услышала только я. — Не заставляй меня пожалеть о том, что я позволил тебе войти в этот кабинет.

— Вы позволили мне войти, потому что я здесь работаю.

— Ты действительно думаешь, что это случайность?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Я думаю, что вы слишком высокого мнения о себе.

Его губы дрогнули.

Но это не была улыбка.

— Подпиши документы.

— После того как прочитаю.

— Ты уже достаточно прочитала.

— Решать мне.

— В этой компании решаю я.

Вот он.

Настоящий Амир.

Властный, холодный, привыкший, что ему подчиняются без вопросов.

Человек, который никогда не оставлял другим возможности выбора, если мог принять решение сам.

Я поставила подпись на последней странице.

Затем передала документы Мире.

Стефани всё это время молчала, но теперь уже не скрывала напряжения. Она смотрела то на меня, то на Амира, пытаясь собрать в голове картину происходящего.

У неё не получалось.

И это было неудивительно.

— Айла будет работать непосредственно со мной, — сказал Амир Мире. — Все её задачи проходят через меня.

— Конечно, — ответила Мира.

— Её рабочее место будет в моём кабинете.

Я резко подняла голову.

— Что?

— Ты плохо слышишь?

— В моём договоре нет пункта о том, что я должна работать в кабинете директора.

— В твоём договоре есть пункт о выполнении распоряжений руководителя.

— Это не значит, что вы можете менять условия как хотите.

Амир посмотрел на Миру.

— Она всегда была такой?

Мира заметно напряглась.

— Я познакомилась с Айлой несколько дней назад.

— Тогда ты быстро поймёшь.

— Пойму что? — спросила я.

— Что любая попытка спорить со мной заканчивается одинаково.

— Увольнением?

— Иногда.

— А иногда?

Он наклонился к столу и взял папку.

— Иногда человек остаётся, но начинает сожалеть, что пришёл.

Стефани больше не выдержала.

— Господин Каримов, если между вами есть какие-то личные разногласия, возможно, Айле не стоит работать непосредственно с вами.

Амир перевёл взгляд на неё.

— Вы Стефани?

— Да.

— Ваша должность — помощник отдела документации. Работать будете на втором этаже.

— Понятно.

— И ещё. Не вмешивайтесь в разговоры, которые вас не касаются.

Стефани сжала губы.

Я положила ладонь на её руку, останавливая.

Не сейчас.

Не здесь.

Амир заметил этот жест.

Его глаза опустились на наши руки, а затем снова вернулись к моему лицу.

— Завтра в восемь утра вы должны быть на рабочем месте, — сказал он. — Айла, ты придёшь сюда.

— Я не опоздаю.

— Это не обещание. Это обязанность.

— Хорошо.

— И ещё.

Я ждала.

— Не пересекай мой путь без необходимости.

На миг я не поняла, что он имеет в виду.

— Простите?

— Ты будешь приходить через северный коридор. Не пользоваться моим личным лифтом. Не входить без стука. Не прикасаться к моим вещам. Не смотреть на меня во время совещаний, если я не обращаюсь к тебе напрямую.

Стефани медленно повернула голову.

Я ничего не сказала.

Амир продолжил:

— Не разговаривать со мной без разрешения, если вопрос не касается работы. Не приводить в кабинет посторонних. Не задавать личных вопросов. Не обсуждать меня с сотрудниками.

— А если я нарушу хоть один пункт?

— Ты уже знаешь ответ.

— Увольнение.

— Ты быстро учишься.

Его тон был настолько холодным, что я почти улыбнулась.

— А у вас есть правило, запрещающее директору вести себя как самодовольный диктатор?

Мира побледнела.

Стефани закрыла глаза.

Амир же остался неподвижен.

Только взгляд стал опаснее.

— Есть, — ответил он. — Оно называется «директор всегда прав».

— Удобное правило.

— Очень.

— Тогда мы отлично сработаемся.

Он подошёл к окну.

С высоты сорок пятого этажа город выглядел почти нереальным. Амир стоял к нам спиной, руки были заложены за спину. Он производил впечатление человека, который контролировал не только собственную жизнь, но и всё пространство вокруг.

Глава 4

Глава 4. Айла

Что этот самодовольный индюк о себе возомнил?

Если он директор, значит, ему всё можно? Можно разговаривать с людьми так, будто они — его личная собственность? Можно смотреть на всех свысока и заставлять подчинённых бегать по первому щелчку пальцев?

Как же я зла.

Я спускаюсь по лестнице до тридцать пятого этажа, потому что личный кабинет нашего «господина» находится на сорок пятом, а на тридцать пятом есть общедоступный лифт, которым могут пользоваться все сотрудники.

Амир прекрасно знает, что я избегаю его личного лифта. Хотя, если быть честной, я боюсь не самого лифта, а того, что он снова окажется рядом. В замкнутом пространстве. Слишком близко. С его тяжёлым взглядом и вечным выражением лица, будто весь мир существует исключительно для того, чтобы раздражать его.

Я резко толкаю дверь на лестничную площадку. Стефани идёт за мной, придерживая сумку на плече. Она едва успевает за моим шагом.

— Этот мудака думает, что может контролировать меня, — бросаю я, не оборачиваясь.

— Он всё-таки генеральный директор, — осторожно напоминает Стефани.

— Да пошёл он, Стеф.

Стефани оглядывается по сторонам и нервно прикладывает палец к губам.

— Тише ты.

— А что? Пусть услышит. Может, впервые задумается о том, что он не единственный человек в этой компании.

— Айла, ты специально его провоцируешь.

— Нет. Я просто разговариваю с ним как с обычным человеком. Это он привык, что вокруг него все молчат и кивают.

Стефани ничего не отвечает. Она знает, что спорить со мной, когда я в таком состоянии, бесполезно.

Наконец мы доходим до тридцать пятого этажа. Я толкаю дверь и выхожу в коридор. Здесь намного оживлённее, чем на верхних этажах. Сотрудники спешат по своим кабинетам, воздух наполнен запахом кофе, дорогих духов и раздражения.

Я делаю несколько шагов и случайно сталкиваюсь с какой-то девушкой. Врезаюсь плечом в её руку. Папка, которую она держала, едва не падает на пол.

— Прошу прощения, — говорю я, даже не останавливаясь.

— Тварь! Смотри, куда идёшь!

Я замираю. Зря она это сказала. Я и так не в лучшем настроении.

Медленно разворачиваюсь. Передо мной стоит девушка в безупречно уложенном платье, с длинными чёрными волосами и лицом, на котором каждая деталь явно подвергалась вмешательству косметологов. От неё прямо душно. Аж тошнит.

— Лучше помолчи, — говорю я. — Я и так не в лучшем состоянии.

— Да как ты смеешь со мной так разговаривать?

— А как мне с тобой разговаривать? На коленях?

У девушки дёргается уголок губ.

— Ты хоть представляешь, кто я?

— И кто же ты, принцесса? — спрашиваю я язвительно.

Стефани тихо произносит:

— Айла...

Но я не отвожу взгляда от незнакомки.

— Зря ты так говоришь, — продолжает та. — Я сделаю так, чтобы тебя уволили. Немедленно. Кто ты такая?

— А ты у нас теперь ещё и отдел кадров?

— Я задала вопрос.

— А я не обязана на него отвечать.

— Ты явно не понимаешь, с кем разговариваешь.

— Нет, это ты явно не понимаешь, с кем решила связаться.

Девушка делает шаг ко мне.

— Ты думаешь, если тебя взяли работать в компанию, то теперь тебе всё позволено?

Я чуть прищуриваюсь.

— Во-первых, я не просила брать меня никуда. Во-вторых, даже если бы я работала в кабинете самого президента, это не дало бы тебе права называть меня тварью.

— Ты слишком много на себя берёшь.

— А ты, походу, слишком привыкла, что люди боятся твоей фамилии.

На лице девушки появляется злобная улыбка.

— Ты понятия не имеешь, кто я.

— Тогда представься. Очень хочется понять, из-за чего весь этот спектакль.

Она открывает рот, но Мира, которая всё это время стояла чуть поодаль, неожиданно вмешивается:

— Это Айла Сайдаева, — говорит она. — Она новый ассистент директора.

Девушка переводит взгляд на Миру.

— Амир что, взял эту дрянь на работу?

Стефани вздрагивает. Я медленно поворачиваюсь к наглой девице.

— Следи за языком, куколка, — произношу я. — По тебе и так всё видно: явно многое в себе увеличила, но мозг почему-то забыла.

— Айла! — испуганно восклицает Мира.

В коридоре становится тихо. Несколько сотрудников замедляют шаг. Девушка краснеет от ярости.

— Ты сейчас пожалеешь о своих словах.

— Уже жалею.

— О чём?

— О том, что вообще остановилась.

Она резко подходит ко мне. Слишком близко. Я тоже делаю шаг навстречу.

— Айла, не надо, — Стефани тянет меня за рукав. — Пойдём.

Я не двигаюсь.

— Убери руку.

— Айла...

— Стефани, я сказала, убери.

Она медленно отпускает меня. Я вижу, как дрожат её пальцы. Девушка замечает её страх и усмехается.

— Ты ещё и защитницу себе нашла?

— Не трогай её, — говорю я.

— А что ты сделаешь?

— Могу показать.

— Слушай сюда, — говорит она во весь голос. — Ты не представляешь, где работаешь и с кем связалась. Один звонок — и тебя не будет в этой компании. Люди вроде тебя должны знать своё место.

— Люди вроде меня?

— Да. Девушки, которые приходят неизвестно откуда, цепляются за влиятельных мужчин и думают, что теперь могут командовать.

Стефани бледнеет. Я остаюсь спокойной. Даже слишком.

— Ты закончила?

— Я ещё не начинала.

— Тогда начни с того, чтобы научиться говорить без истерики.

— Ты мне указываешь?

— Да.

— Кто ты такая?

— Та, кто сейчас стоит перед тобой и не собирается отступать.

Девушка резко замахивается рукой. Я успеваю перехватить её запястье. На этот раз вздрагивает она.

— Не смей, — произношу я тихо.

— Отпусти меня!

— Сначала извинись.

— Ты с ума сошла?

— Возможно.

Я сжимаю её запястье чуть сильнее, но не причиняю боли. Просто даю понять, что она не сможет ударить меня безнаказанно.

— Айла, отпусти её, — шепчет Стефани.

— Она хотела меня ударить.

— Я ничего не хотела!

— Конечно. Рука сама поднялась.

В этот момент из другого конца коридора раздаётся мужской голос:

— Что здесь происходит?

Все оборачиваются. К нам подходит мужчина лет двадцати восьми. Высокий, в светлом костюме, с холодным, но внимательным взглядом. В нём нет той ледяной тяжести, которая ощущается рядом с Амиром.

— Господин Габриэль, — быстро говорит Мира. — Тут недоразумение случилось. Всё уже решают.

Габриэль смотрит не на Марию, а на Стефани. Я замечаю, как его взгляд задерживается на её дрожащих руках.

— Вызвать службу безопасности?

— Не надо, — отвечает Мария. — Я сама разберусь.

— Вот именно это меня и беспокоит, — произносит Габриэль. — Ты всегда «разбираешься» так, что потом приходится объяснять последствия.

Мария отдёргивает руку, и я отпускаю её. Она тут же поправляет рукав и бросает на меня уничтожающий взгляд.

— Она на меня напала.

— Неправда, — говорит Мира.

Мария резко поворачивается к ней.

— Ты тоже хочешь потерять работу?

Мира замолкает. Я делаю шаг вперёд.

— Не смей ей угрожать.

— Тебя никто не просил вмешиваться.

— Ты угрожала мне, потом попыталась ударить, а теперь давишь на свидетелей. Очень достойно.

Мария смотрит на меня так, будто впервые видит человека, который не собирается склоняться перед ней.

— Ты ещё узнаешь, что бывает с теми, кто переходит мне дорогу.

— Я уже знаю. Вы плачете, звоните папочке, и он заставляет кого-то уволить.

Габриэль проводит рукой по лицу.

— Вам не стыдно орать на всю компанию? — говорит он, обращаясь ко мне. — Ладно она, но вы-то... Зачем опускаться до её уровня?

— Прошу прощения? — Мария поворачивается к нему. — Что вы сказали? Что значит «до моего уровня»?

— Вы прекрасно всё услышали.

— Вы сейчас меня унижаете?

— Нет. Я констатирую факт.

Мария открывает рот, но Габриэль поднимает ладонь.

— Достаточно.

Затем он смотрит на меня и едва заметно подмигивает, будто просит не продолжать. Я скрещиваю руки на груди.

— Ты прав, — говорю я Марии. — Зачем опускаться так низко?

Мария застывает. Я прохожу мимо неё, намеренно задев плечом её плечо.

— Прости, куколка.

И ухожу с улыбкой на лице. Стефани бежит за мной. Мира — тоже, постоянно оглядываясь. Когда мы заходим в лифт, Мира закрывает двери и тут же начинает смеяться.

— Как же ты её уделала! — говорит она. — Я думала, ты там испугаешься.

— С чего бы мне её бояться?

— Это Мария Ибрагимова.

— И?

— Она дочь Мустафы. Он директор «Тиграш».

Я на минуту застываю, но затем пожимаю плечами.

— Это не значит, что она должна быть такой сукой.

— Айла, — Стефани осторожно произносит моё имя.

— Что? Это правда.

— От неё прямо веет монстром, — говорит Стефани.

— Она тебя напугала? — спрашиваю я.

— Немного.

— Больше она к тебе не подойдёт.

— Ты не можешь этого обещать.

— Могу.

Мира прислоняется к стене лифта.

— Ты не представляешь, сколько людей она уже довела.

— Например?

— Она вывела из себя всех на этаже. Сегодня утром из-за неё Лейла чуть не лишилась проекта. Мария украла её данные, а потом сделала вид, будто Лейла ничего не понимает. А кто осмелится обвинить дочку директора?

Я грустно улыбаюсь.

— Прекрасная компания.

— Не вся компания, — возражает парень, который до этого молчал, стоя в углу лифта. — Просто некоторые люди здесь чувствуют себя неприкасаемыми.

Я поворачиваюсь к нему.

— А ты давно здесь работаешь?

— Достаточно, чтобы понимать, когда лучше молчать.

— Сегодня ты не молчал.

— Сегодня я решил рискнуть.

Он улыбается, и я впервые замечаю, что это тот парень, который находился в кабинете Амира.

— Кстати, меня зовут Джангир.

Я улыбаюсь ему и протягиваю руку.

— Простите, что пришлось грубить вам, — говорит Джангир. — К сожалению, господин Амир бы меня не пощадил.

— Всё в порядке, — отвечаю я.

— А что ты сказал? — спрашивает Мира.

— Что Айла была права.

— Ты сказал, что она новая сотрудница и что господин Амир её не пощадит.

— Я сказал правду.

Двери лифта открываются. Мы выходим, и к нам сразу подходят Лиана и Аким.

— Это было так здорово! — восклицает Лиана.

— Да-да, я прямо обалдел от того, как ты её уделала, — добавляет Аким.

Я замираю.

— Как вы узнали?

Аким разводит руками.

— Не глупи. Здесь свои люди, которые доносят сплетни.

Я ухмыляюсь. Да уж. Без сплетен всем было бы скучно.

— Я твой поклонник! — говорит Джангир.

— Вы слишком быстро принимаете чью-то сторону, — замечаю я.

— Я принимаю сторону того, кто не начал первым.

— Тогда тебе лучше не становиться моим поклонником. Это опасно.

— Поздно.

Спустя неделю. Шесть утра.

Я слышу, как звонит мой телефон. Сначала думаю, что мне снится. Потом телефон звонит снова, и я, раздражённо вытянув руку, нащупываю его на тумбочке. Мира.

Я отвечаю, протирая глаза.

— Алло.

— Айла! Беги на работу!

Я резко сажусь на кровати.

— Что это значит?

— А то, что господин Амир хочет тебя видеть.

— А господин в курсе, что компания открывается в восемь?

— Ну, я тут ни при чём. У него нет твоего номера, и он приказал мне позвонить тебе.

— Господи, спасибо, что не он позвонил. А то я бы точно к утру оказалась в психушке.

Мира смеётся.

— Ладно, скоро буду, — говорю я и отключаюсь.

Рядом что-то недовольно мычит Стефани.

— Кто звонил?

— Мира.

— Который час?

— Шесть.

Стефани открывает один глаз.

- Он ненормальный.
- Наконец-то ты сказала что-то правильное.

Я умываюсь и быстро собираюсь. Сегодня надеваю чёрную короткую юбку и белую блузку. Вызываю такси и быстро сажусь в машину. За десять минут доезжаю до компании. Выбегаю из автомобиля и почти бегу к входу.

Мира, увидев меня, вздыхает с облегчением.

- Вот твой бейджик.
- Ты успела?
- Если бы я пришла на минуту позже, он бы, наверное, лично приехал ко мне домой. Мира бледнеет.
- Не шути так.
- Почему?
- Потому что я уже представляю, как он стоит у твоей двери.
- И требует отчёт о моём сне?
- Не смешно.
- Мне смешно, иначе я начну плакать.

Я прикрепляю бейджик и иду к лифту. Несколько секунд смотрю на обычный лифт. Потом вспоминаю лестницу и мысленно ругаюсь. Двери личного лифта Амира открываются прямо передо мной. Оглядываюсь. Вокруг никого.

— Может, он и не заметит, — говорю я сама себе.

Захожу внутрь. Лифт поднимает меня наверх почти бесшумно. Когда двери открываются, я захожу в кабинет. Амир сидит за своим столом и листает какие-то документы. Увидев меня, поднимает глаза и ухмыляется.

- Тебя что, торнадо встретило?
- Нет, — отвечаю я.
- Тогда почему ты выглядишь так, будто только что сбежала от полиции?
- Потому что меня вызвали на работу в шесть утра.
- Я тебя не просил бежать.
- Конечно. Я могла спокойно идти пешком.
- Могла.

Я осматриваю кабинет и вижу, что возле окна установили стол со стулом.

- Это что?
- Твоё рабочее место.

Я иду и сажусь.

- Я разрешил тебе сесть? — говорит Амир.
- Чёрт бы его побрал. Я медленно поднимаюсь.
- Слушаю ваше величество. Что вы хотите?
- Осторожнее со словами.
- Конечно.

Он берёт огромную папку и грубо бросает её на край моего стола. Папка с глухим ударом раскрывается. Несколько листов выскальзывают наружу.

- Разбери архивы.
- Вы вызвали меня сюда в шесть утра ради этого?
- Да.
- А нельзя было попросить кого-нибудь другого?
- Можно.

— Но вы выбрали меня.

— Именно.

— Почему?

— Потому что ты умеешь спорить. Значит, у тебя достаточно энергии, чтобы разбираться с документами.

— Это комплимент?

— Нет.

Он резко встаёт и подходит ко мне. Его глаза пылают раздражением. Я не отступаю.

— У тебя слишком длинный язык стал.

Я ухмыляюсь.

— Вам ли не знать, какая я на деле.

— Верно, — говорит он. — Маленькая пугливая девочка.

— Не называй меня так.

— А как мне тебя звать?

— Никак. Мы никто друг другу.

Его лицо меняется. Совсем немного, но я замечаю, как напрягается челюсть.

— Точно, — произносит он. — А я и забыл. Если бы ты не порвала помолвку, была бы женой генерального директора.

Сейчас мне не до смеха.

— Ты никогда в жизни не хотел жениться. Не понимаю, что изменилось в тебе за четыре года, что тебе стали противны прикосновения людей.

Он молчит. Я вижу, как его пальцы сжимаются в кулак.

— Мы никто, — холодно говорит он. — И я не обязан тебе ничего рассказывать о своей жизни.

— Всё верно, господин. Продолжим работу? И я надеюсь, вы больше не будете вспоминать прошлое, если ваше эго так задело, что я расторгла нашу помолвку.

Я прохожу мимо него. Он хватает меня за локоть и приближает к себе.

— Отпустите.

Амир смотрит на меня сверху вниз.

— Не слишком ли ты себя возвысила, голубка?

— Не называйте меня так. Это неуместно.

— Буду. Поверь, чем больше тебе это не нравится, тем чаще я буду так говорить.

— Вы ведёте себя как ребёнок.

— А ты ведёшь себя так, будто тебе всё позволено, голубка.

— Я хотя бы не заставляю людей приходить на работу в шесть утра ради папки.

Он отпускает мой локоть. Я потираю место, где он держал меня.

— У тебя есть час, — говорит он. — Перепроверь всё. Потом пойдёшь со мной на собрание.

— А если не успею?

— Успеешь.

— А если нет?

— Тогда останешься здесь до тех пор, пока не закончишь.

Я просто киваю и сажусь за свой стол. В этот момент мне звонит Узай. По привычке нажимаю на громкую связь, даже не думая.

— Милая, ну как ты там? Тебя там не убивают?

— Знал бы ты, Узай...

Я замолкаю. До меня доходит, что Амир не вышел из кабинета. Он стоит возле окна и смотрит на меня.

— Я перезвоню, — быстро говорю я и отключаюсь.

Амир не двигается. Его лицо совершенно спокойно, но взгляд становится тяжёлым.

— Никакого общения со своим парнем во время работы, — говорит он яростно.

— Это был звонок на несколько секунд.

— Мне всё равно.

— Тогда почему вы обращаете на это внимание?

— Потому что я не люблю, когда люди отвлекаются.

— Вы только что десять минут обсуждали мою помолвку.

Он ничего не отвечает. Просто разворачивается, выходит из кабинета и закрывает дверь. Я смотрю ему вслед. Чем я на этот раз его разозлила?

Я поворачиваюсь к папке и начинаю изучать документы, но цифры перед глазами не складываются. Свой парень... Почему его это вообще волнует? Амир сам сказал, что мы никто друг другу.

Через десять минут дверь открывается. Амир входит с чашкой кофе и кладёт её на свой стол. Затем замечает, что я не притронулась к своему.

— Ты не выпила свой кофе.

— Я работаю.

— Ты всегда была такой?

— Какой?

— Упрямой.

— А вы всегда были таким властным?

— Да.

— Значит, ничего не изменилось.

Амир подходит к моему столу и смотрит на разложенные документы.

— Ты неправильно сортируешь.

— Нет.

— Да. Этот архив относится к предыдущему кварталу.

— Я заметила.

— Тогда почему он лежит здесь?

— Потому что я сравниваю его с отчётом за текущий период.

Несколько секунд мы молчим. Затем он резко отходит.

— Через сорок минут собрание.

— Я помню.

— Надень пиджак.

— В компании сказали, что достаточно белой блузки.

— На собрании будут партнёры.

— И что?

— Ты пойдёшь со мной.

— Я поняла.

— Тогда выгляди соответственно.

— Я выгляжу нормально.

— Я не сказал, что ты выглядишь плохо.

— Но прозвучало именно так.

— Ты слышишь только то, что хочешь услышать.

— А вы говорите только то, что считаете нужным.

Он смотрит на мою одежду снова, и на этот раз я замечаю, как его взгляд задерживается на моих ногах.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего.

— Вы так смотрите, будто обнаружили ошибку в отчёте.

- Я сказал, что ничего.
- Тогда перестаньте.
- Я сам решу, куда мне смотреть.
- Конечно. Вы же генеральный директор.
- Его губы сжимаются. Он поворачивается и идёт к двери.
- Собрание через сорок минут. Не опаздывай.
- Не переживайте. Я не собираюсь заставлять вас ждать.
- Я и не переживаю.
- Тогда почему вы стоите и смотрите на меня?

Амир замирает. Я замечаю, как его взгляд снова скользит к моему телефону. Экран загорается от нового сообщения. Узай: «Ты точно в порядке? Перезвони, как сможешь». Амир смотрит на имя. Его лицо темнеет.

- Это он?
- Кто?
- Твой парень.
- Да.
- Он часто тебе пишет?
- А это уже не ваше дело.
- Я просто спросил.
- Вы редко задаёте вопросы просто так.

Он ничего не отвечает. Я беру телефон и отвечаю Узая: «Я в порядке. Позвоню позже».

Амир отворачивается к окну.

- На собрании телефон будет выключен.
- Хорошо.
- Полностью.
- Я услышала.
- И не разговаривай с ним в коридорах.
- Вы теперь контролируете, с кем мне разговаривать?
- Я контролирую работу своих сотрудников.
- Узай не работает на этом этаже.
- Именно поэтому он не должен отвлекать тебя.
- Почему вы так злитесь?

Он подходит почти вплотную, но останавливается. Между нами остаётся несколько сантиметров.

— Я не злюсь, — отрезал он, но его голос прозвучал как рык загнанного в угол зверя.

— Конечно, — я позволила себе лёгкую, почти насмешливую улыбку, наблюдая за тем, как на его скулах заходили желваки.

— Не улыбайся, — его тон стал опасным, почти вкрадчивым. Он сделал ещё один шаг, сокращая дистанцию до минимума. Теперь я чувствовала исходящий от него аромат дорогого парфюма с нотками древесины и чего-то холодного, металлического.

— А что мне делать? — я вызывающе вскинула подбородок, хотя внутри всё сжалось от странного, пугающего электричества, пробежавшего между нами.

- Слушать, — коротко бросил он.
- Я слушаю, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.
- Ты будешь соблюдать мои правила.
- В рабочее время — да, — я не собиралась сдаваться без боя.
- Всегда, пока находишься в этой компании, — его взгляд, тяжёлый и пронзительный, казалось, пытался прожечь во мне дыру.

— У вас нет права решать, с кем я встречаюсь, — я сделала шаг назад, упираясь бедром в край стола, чтобы хоть как-то восстановить физическую дистанцию.

— Я не решаю, — он подался вперёд, нависая надо мной. Его присутствие было подавляющим, как надвигающаяся гроза.

— Но пытаетесь, — парировала я, чувствуя, как моё сердце начинает биться в ритме бешеного галопа.

— Я пытаюсь сохранить порядок, — его голос стал тише, почти шёпотом, от которого по спине пробежал холодок.

— Нет, Амир. Ты пытаешься контролировать всё вокруг, — я выпалила это, даже не успев подумать. В кабинете повисла звенящая тишина. Я впервые за всё время назвала его по имени, и это прозвучало как вызов, брошенный прямо в лицо

Его лицо становится неподвижным. Я впервые за утро называю его по имени, и он явно это замечает. На секунду мне кажется, что он сейчас снова возьмёт меня за руку. Но Амир лишь отступает.

— Через 30 минут собрание, — бросил он, уже не глядя на меня, и развернулся к выходу.

Он выходит. Я остаюсь одна и смотрю на закрывшуюся дверь. Не понимаю, что с ним происходит. Амир никогда не говорил ничего прямо. Не признавался, не объяснял, не просил. Он просто появлялся рядом, отдавал приказы, злился и смотрел на меня так, будто я была для него одновременно раздражением и чем-то гораздо большим.

Но чем именно?

Я возвращаюсь к документам. Через двадцать минут в дверь заглядывает Мира.

— Айла, ты готова?

— Почти.

— Как он?

— Как обычно. Властный, злой и убеждённый, что весь мир должен перед ним отчитываться.

Мира заглядывает за мою спину.

— Он здесь?

— Нет.

— Тогда говори тише.

— Он, скорее всего, всё равно услышит через камеры.

Мира нервно оглядывается.

— Не шути так.

— Почему все здесь его боятся?

— Потому что он действительно может уволить любого.

— Он всех увольняет?

— Если человек ошибается.

Я смотрю на папку.

— Тогда сегодня мне конец.

— Ты успела?

— Я разобрала половину.

— Он сказал, что у тебя час.

— Прошло сорок минут.

Мира кусает губу.

В этот момент дверь кабинета открывается. Амир выходит в тёмном костюме. Он быстро оглядывает меня, затем переводит взгляд на Миру.

— Почему она ещё здесь?

— Она заканчивает работу, — отвечает Мира.

— Я вижу.

Он снова смотрит на меня.

— Пойдём.

— Я не закончила.

— Закончишь после собрания.

— Вы сами сказали, что у меня есть час.

— Я передумал.

— Очень удобно.

— Айла.

В его голосе появляется предупреждение. Я беру блокнот и ручку.

— Я готова.

Мы выходим в коридор. Несколько сотрудников делают вид, что заняты своими делами. Мира остаётся позади, а Амир идёт рядом со мной. Слишком рядом.

— Вы можете идти быстрее, — говорю я.

— Ты сама идёшь медленно.

— Я иду нормально.

— Ты всё время споришь?

— Только с теми, кто даёт повод.

— Значит, я постоянно даю тебе повод.

— Вы наконец-то что-то поняли.

Он поворачивает ко мне голову. На губах появляется едва заметная улыбка. Я не успеваю рассмотреть её, потому что из-за поворота выходит Габриэль.

— Доброе утро, — говорит он.

— Доброе, — отвечаю я.

— Айла, вы уже освоились?

— Пока меня не уволили.

Габриэль усмехается.

— Значит, освоились.

Амир останавливается.

— Мы опаздываем.

— До начала собрания ещё десять минут, — спокойно отвечает Габриэль.

— Значит, через девять.

— Конечно.

Габриэль смотрит на меня.

— Если Мария снова начнёт...

— Я сама справлюсь.

— Я не сомневаюсь.

— Габриэль, — перебивает Амир.

Тон его голоса становится холоднее. Габриэль переводит взгляд на него. Несколько секунд мужчины смотрят друг на друга.

— Я просто хотел предупредить, — говорит Габриэль.

— Она услышала.

— Тогда увидимся на собрании.

— Увидимся, — отвечаю я.

Мы с Амиром продолжаем идти. На собрании присутствуют несколько директоров отделов, представители партнёров и Мария, которая сидит рядом с Мустафой. Увидев меня, она сразу выпрямляется. Её взгляд полон ненависти.

Я сажусь в кресло в конце стола. Амир занимает место во главе. Он не предлагает мне сесть рядом, но через несколько секунд хмурится, когда видит, что Габриэль садится возле меня.

Амир несколько секунд смотрит на меня, затем открывает папку. Собрание начинается. Я записываю основные пункты, стараясь не обращать внимания на его напряжённое лицо. Но Амир постоянно бросает в мою сторону короткие взгляды. Когда Габриэль наклоняется ко мне, чтобы тихо уточнить номер документа, Амир тут же поднимает глаза.

— Говорите громче, — произносит он.

Габриэль выпрямляется.

— Я уточнял данные у Айлы.

— Она здесь не для того, чтобы заниматься личными консультациями.

— Это рабочий вопрос.

— Тогда задавай его мне.

В комнате становится напряжённо. Мустафа переводит взгляд с Амира на меня. Мария едва заметно улыбается.

— Любопытно, — говорит она. — Новый ассистент уже успел получить особые привилегии?

— Что ты сказала? — спрашиваю я.

— Ничего.

— Нет, продолжай.

— Я просто заметила, что ты слишком свободно разговариваешь с генеральным директором.

— В отличие от тебя, я не считаю его своим родственником только потому, что твой отец работает с ним в одной сфере.

Мария краснеет.

— Ты опять нарываешься.

Амир резко закрывает папку.

— Достаточно.

Его голос разносится по залу. Все замолкают. Он смотрит на Марию.

— Ещё одна реплика не по теме — и ты покинешь собрание.

— Но...

— Я сказал: достаточно.

Мария сжимает губы. Я вижу, как она с трудом удерживает себя от нового выпада. Амир поворачивается ко мне.

— А ты будешь записывать, а не вступать в разговоры.

— Если на меня нападают, я отвечаю.

— Айла.

— Что?

— Замолчи.

Я сжимаю ручку и отвожу взгляд. Через час собрание заканчивается. Люди начинают собирать документы. Мария проходит мимо меня, намеренно задев стул.

— Это ещё не конец, — шепчет она.

— Для тебя, надеюсь, нет. А то будет скучно.

Она останавливается.

— Ты думаешь, Амир будет защищать тебя всегда?

Я встаю.

— А кто сказал, что мне нужна его защита?

Мария переводит взгляд на Амира. Он стоит у окна и разговаривает с одним из партнёров, но я вижу: он слышит каждое слово.

— Он уже смотрит на тебя иначе, — говорит она. — Неужели ты не понимаешь?

— Что именно?

— Ты просто игрушка.

— Если я игрушка, почему тебя это так волнует?

— Потому что я не позволю тебе занять место, которого ты не заслуживаешь.

— А ты заслуживаешь?

— конечно, я наследница «Tugraş»

— Это не ответ.

— Для этой компании — ответ.

— Тогда тебе нечем больше гордиться.

Мария смотрит на меня с такой ненавистью, что я почти чувствую её кожей. Потом резко разворачивается и выходит. Дверь закрывается. Я остаюсь стоять. Амир подходит ко мне. В его взгляде всё ещё остаётся злость, но теперь она направлена не на меня. Скорее, на самую ситуацию.

— Вернись к документам, — говорит он.

— Хорошо.

Я направляюсь к выходу.

— Айла.

— Что?

— Не разговаривай с Габриэлем без необходимости.

Я медленно поворачиваюсь.

— Мы работаем в одной компании.

— Я знаю.

— Он мой коллега.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

— Проблемы нет.

Я выхожу, но успеваю заметить, как он смотрит мне вслед.

Я возвращаюсь в кабинет и сажусь за стол. Через несколько секунд дверь закрывается. Стефани пишет мне сообщение: «Ты жива?». Я улыбаюсь и отвечаю: «Пока да». Через минуту приходит новое сообщение от Узая: «Ты не перезвонила. Я волнуюсь».

Я смотрю на экран. В этот момент дверь кабинета снова открывается. Амир стоит на пороге. Его взгляд мгновенно падает на мой телефон.

— Я сказал убрать его.

— Я только взяла его.

— Убери.

Он ревнует? Нет. Не может быть. Амир сам сказал, что мы никто друг другу. Он четыре года не вспоминал обо мне, а теперь внезапно решил контролировать, с кем я разговариваю?

Наверное, это просто его характер. Он привык владеть ситуацией, людьми, компанией, каждым решением вокруг себя. Но тогда почему его взгляд меняется, когда рядом появляется другой мужчина? Почему он злится, когда Узай называет меня милой? Почему его раздражает Габриэль?

И почему мне самой становится трудно дышать, когда Амир подходит слишком близко?

Я резко отбрасываю эти мысли. Нет. Я не позволю прошлому снова занять место в моей жизни. Амир может быть генеральным директором. Может отдавать приказы, увольнять сотрудников и заставлять всех подчиняться ему.

Но мной он управлять не будет.

Я открываю первую папку и начинаю работать.

Глава 5

Глава 5. Амир

Чёрт возьми.

Что происходит?

Я ещё несколько минут сижу в машине, не включая двигатель. Передо мной темнеют ворота дома бабушки, покрытые мелкими каплями дождя. Небо с самого утра было тяжёлым, серым, будто город накрыли плотным одеялом из облаков. Ветер гнал по дороге мокрые листья, а редкие фонари уже начали загораться, хотя до ночи оставалось ещё время.

На этой неделе к бабушке должен приехать врач. Ей становится хуже, и она упрямо делает вид, что всё под контролем. Она всегда была такой: могла едва держаться на ногах, но всё равно требовала, чтобы ей принесли чай, открыли шторы и не смотрели на неё с жалостью.

Я выключаю телефон и выхожу из машины.

Моя машина блестит под дождём — тёмно-серая, почти чёрная, с длинным корпусом и холодными светодиодными фарами. Она выглядит так же, как я себя чувствую: дорого, сдержанно и недоступно. На капоте расплываются отражения фонарей, а колёса мягко шуршат по мокрой брусчатке, когда я подъезжаю к крыльцу.

Я не люблю приезжать сюда поздно. Дом бабушки всегда напоминает мне о том, что время не подчиняется ни деньгам, ни приказам. Здесь всё оставалось прежним: старые клёны вдоль дорожки, белые занавески на окнах, деревянные перила, которые она отказывалась заменить, потому что «новые выглядят бездушно».

Я поднимаюсь на крыльцо и открываю дверь своим ключом.

Внутри тепло. Пахнет корицей, сухими травами и полированным деревом. Где-то в глубине дома тикают старинные часы. Их звук раздражает меня уже через несколько секунд.

Тереза выходит из столовой и встречает меня с осторожной улыбкой.

— Господин Амир, вы приехали.

— Я вижу, — отвечаю я, снимая пальто.

Она забирает его, но я тут же протягиваю руку.

— Не нужно. Я сам.

Тереза молча отступает. Она давно знает, что лучше не спорить со мной по мелочам.

— Ваша бабушка снова не в настроении, — говорит она. — С самого обеда почти ни с кем не разговаривает.

Я вздыхаю.

— Она говорила, почему?

— Только сказала, что вы должны прийти.

— Значит, всё ясно.

Я направляюсь к комнате бабушки. Дверь приоткрыта. Изнутри доносится тихий скрип кресла-качалки.

Она сидит у окна, укрыв ноги пледом. В одной руке держит книгу, но я сразу понимаю, что не читает. Её взгляд устремлён на сад, где мокрые ветви деревьев качаются под ветром.

— Бабушка.

— Не хочу разговаривать, — отвечает она, даже не поворачивая головы.

— Что снова случилось?

— Ничего.

— Если ничего, ты не стала бы отправлять за мной Терезу и заставлять её сообщать, что ты не в настроении.

Она медленно поднимает на меня взгляд. В её глазах усталость, которой я не видел раньше. Или просто не хотел замечать.

- Как ты не понимаешь, Амир? Я старею.
- Ты всегда это говоришь.
- Потому что это правда.
- Врач приедет на этой неделе. Мы всё проверим.
- Дело не во враче.

Она ставит книгу на подлокотник кресла и выпрямляется. Движение даётся ей тяжело, но она не позволяет себе показать слабость.

- Ты до сих пор не женат.

Я молчу.

— Как мне успокоиться? — продолжает она. — Я хочу увидеть, что ты женат. Хочу знать, что рядом с тобой будет человек, когда меня не станет.

- Бабушка...

— Не перебивай меня. Я устала слышать разговоры о работе, встречах, договорах и твоём вечном «потом». Всегда потом. Потом ты отдохнёшь. Потом приедешь. Потом женишься.

- Я слишком занят.

- Нет. Ты просто привык жить так, будто тебе никто не нужен.

Я сжимаю челюсть.

- Это не так.

- Тогда докажи.

За окном вспыхивает молния. Через несколько секунд гремит гром, и стекло дрожит в раме.

- Я не собираюсь жениться только ради того, чтобы ты была спокойна.

- А ради чего ты вообще способен что-то делать?

Я смотрю на неё, но не нахожу ответа. С бабушкой всегда было трудно спорить. Она не боялась меня, не старалась угодить и не замолкала, если я повышал голос. Возможно, именно поэтому я так часто избегал разговоров с ней.

- Мне мало осталось, — тихо говорит она.

- Не говори так.

Я опускаюсь перед ней на корточки и беру её руку. Её пальцы холодные и тонкие. В детстве эта рука гладила меня по волосам, когда родители ссорились, а я прятался в её комнате. Тогда мне казалось, что бабушка может защитить от всего.

Теперь я понимаю, что и она не всесильна.

- Не говори так, — повторяю я.

— А что ты хочешь, чтобы я сказала? Что у меня впереди ещё сто лет? Ты сам видишь, как я изменилась.

- Ты поправишься.

- Ты говоришь это так, будто отдаёшь распоряжение.

Я невольно усмехаюсь, но улыбка тут же исчезает.

- Я не умею по-другому.

- Вот именно, — отвечает она. — Ты умеешь только приказывать.

В этот момент дверь открывается, и в комнату заходит Тереза.

Я встаю.

- Господин Амир, к вам девушка пришла. Она принесла какие-то документы.

Я смотрю на неё так, будто она сообщила мне о пожаре.

- Что за девушка?

- Она говорит, что ваша ассистентка.

- Я всем сказал, чтобы меня не беспокоили.

- Я передала ей, что вы заняты, но...

- Но она решила, что правила существуют не для неё?

Тереза опускает взгляд.

— Она сказала, что дело касается завтрашнего собеседования.

— Кто её впустил?

Бабушка резко поднимается с кресла. На мгновение я замечаю, как она хватается за подлокотник, чтобы удержать равновесие.

— Ассистентка? — переспрашивает она.

— Бабушка, не нужно вставать.

— Уже поздно, — говорит она, будто не слышит меня. — Пригласи девушку в дом.

— Я сам разберусь.

— Амир.

Одного слова достаточно, чтобы я замолчал.

Тереза выходит, а бабушка направляется в гостиную. Я следую за ней, чувствуя, как раздражение постепенно вытесняет всё остальное.

Через несколько секунд я вижу Айлу.

Она входит в дом, держа в руках папку с отчётами. На ней светлый плащ, по плечам которого скатываются дождевые капли. Волосы слегка намокли и прилипли к вискам. Она выглядит уставшей, но собранной. В одной руке у неё папка, в другой — телефон.

Когда наши взгляды встречаются, она останавливается.

Я зло смотрю на неё.

— Ты в курсе, что рабочее время окончено?

— В курсе.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что вы не ответили.

— На что?

— Я отправила вам файлы четыре часа назад. Документы к завтрашнему собеседованию. Вы должны были их посмотреть и утвердить список кандидатов.

— Куда ты мне их прислала?

Она смотрит на меня с недоверием.

— На почту.

— Айла, ты нормальная?

Её брови поднимаются.

— Простите?

— Кто в наше время пользуется почтой для срочных вопросов?

— Вы сами сказали, что рабочие документы должны отправляться только на корпоративную почту.

— Я сказал, что их нужно дублировать.

— В мессенджер, где вы не читаете сообщения?

— Я читаю.

— Через три дня.

Бабушка прикрывает рот ладонью, пытаясь скрыть улыбку.

Я резко поворачиваюсь к ней.

— Что?

— Ничего, — отвечает она. — Просто приятно видеть, что хоть кто-то способен тебе возражать.

Айла переводит взгляд на бабушку и вежливо кивает.

— Добрый вечер. Прошу прощения, что потревожила вас.

— Дочка, проходи, садись.

— Нет, что вы. Я зашла отдать документы господину Амиру. Уже ухожу.

— Ни в коем случае. Ты наш гость.

— Но...

— Амир, предложи девушке чай.

— Тереза может предложить.

— Я сказала тебе.

Я смотрю на Айлу. Она явно хочет уйти, но спорить с бабушкой не решается. В конце концов она подходит к дивану и садится, оставляя папку на журнальном столике.

Тереза приносит чай. В комнате становится тесно от молчания. За окнами усиливается дождь. Капли бегут по стеклу длинными дорожками, а ветер иногда ударяет в ставни.

Айла держит чашку обеими руками, но не пьёт.

Бабушка изучает её с неподдельным интересом.

— Какая же ты красивая.

Айла смущённо улыбается.

— Спасибо.

— И давно ты работаешь с Амиром?

— Почти три недели.

— три недели? — удивляется бабушка. — Значит, ты хорошо успела его узнать.

— Иногда мне кажется, что совсем не знаю.

Я резко смотрю на неё.

Она делает вид, что не заметила.

— Что ты в ней нашла, бабушка? — говорю я. — Обычная девушка.

Айла медленно поворачивает голову в мою сторону.

— Вы не обращайте внимания на вашего внука. Ему просто невыносимо, когда кто-то считает меня красивой.

— Не выдумывай.

— Я не выдумываю. Вы каждый раз пытаетесь испортить настроение всем, кто говорит обо мне что-то хорошее.

— У тебя слишком высокая самооценка.

— Это лучше, чем ваша привычка унижать людей.

В комнате становится тихо.

Тереза, стоящая у двери, осторожно опускает поднос на стол и уходит. Бабушка смотрит то на меня, то на Айлу, словно пытается понять, почему между нами чувствуется напряжение, о котором ей никто не рассказывал.

— Наверное, у тебя много ухажёров, — говорит она Айле.

— Бабушка, не начинай.

— Я просто спросила.

— И не говори, она коллекционирует их.

Айла ставит чашку на блюдце.

— Что?

— Ты всё слышала.

— Да, услышала. И хотела бы понять, на каком основании вы позволяете себе такие высказывания.

— На основании того, что я тебя знаю.

— Вы ничего обо мне не знаете.

— Мне достаточно видеть, как ты ведёшь себя.

— Как я веду себя? — Айла усмехается, но в её взгляде появляется злость. — Вы приходите на работу без настроения, разговариваете со всеми так, будто они ваши личные слуги, не отвечаете на сообщения, а потом обвиняете других в непрофессионализме.

— Следи за словами.

— Почему? Вы боитесь услышать правду?

Я встаю.

— Айла.

Она тоже поднимается. Её лицо краснеет, но голос остаётся твёрдым.

— Нет, вы ничего не знаете, господин Амир. Если я вам никогда не нравилась, это не значит, что меня можно оскорблять.

Бабушка делает движение, будто хочет остановить её, но Айла уже не может замолчать.

— Запомните раз и навсегда: если бы вы мне не изменяли, я бы не ушла. Если бы вы не унижали меня перед своими людьми, я бы не отказалась от свадьбы. Если бы вы хоть раз признали свою вину, возможно, всё сложилось бы иначе. Но вы слишком горды, чтобы сказать простое «я ошибся».

Слова ударяют сильнее, чем я ожидал.

В памяти вспыхивает тот вечер. Шум музыки. Свет люстр. Родные, которые улыбались, пока я пытался сохранить спокойное лицо. Айла, стоящая напротив меня в черном платье, с глазами, полными слёз и ярости.

Она тогда сказала, что не станет связывать жизнь с человеком, которому нельзя доверять.

Я ответил, что она драматизирует.

С тех пор прошло почти четыре с половиной года, но я до сих пор ни разу не произнёс вслух, что действительно сделал.

— Закрой рот, Айла! — взрываюсь я.

Бабушка вздрагивает.

Айла не отступает.

— Здесь вы мне не начальник.

— Не испытывай моё терпение.

— А что вы сделаете? Уволите меня за то, что я сказала правду?

— Я могу сделать гораздо больше.

В её глазах появляется короткая вспышка страха, но она тут же прячет её за усмешкой.

— Вот именно. Вы всегда так разговариваете. Угрозами. Намёками. Вам кажется, что если человек боится, значит, вы победили.

— Достаточно.

— Нет. Мне недостаточно. Я слишком долго молчала.

— Что происходит, дети? — бабушка пытается смягчить голос. — Успокойтесь.

— Прошу прощения за доставленные неудобства, — говорит Айла, быстро забирая папку. — Я пойду.

— Нет, — тут же возражает бабушка. — Ты одна не пойдёшь. Уже темно. Амир отвезёт тебя.

— Не нужно. Я вызову такси.

— Амир.

— Бабушка, это не обсуждается.

— Именно. Ты отвезёшь девушку домой.

Я смотрю на Айлу.

— Она прекрасно может вызвать машину.

— А ты прекрасно можешь один раз сделать то, о чём тебя просят.

Я молчу.

Бабушка садится обратно в кресло и устало закрывает глаза.

— И не возвращайся, пока не убедишься, что она добралась.

Мне ничего не остаётся, кроме как выйти.

На улице стало холоднее. Дождь почти прекратился, но воздух наполнился густым туманом. Я сажусь в машину, захлопываю дверь и запускаю двигатель. Салон мгновенно наполняется мягким светом приборной панели. Кожаные сиденья холодят спину, кондиционер начинает нагнетать тёплый воздух.

Я смотрю в зеркало заднего вида.

Айла стоит у крыльца и прощается с бабушкой. Она что-то говорит Терезе, затем наклоняется к открытой двери и улыбается бабушке. Эта улыбка совсем не похожа на ту, которую она показывает мне.

На это уходит слишком много времени.

Я нажимаю на клаксон.

Звук разносится по двору.

Айла резко поворачивает голову. Бабушка смотрит на меня через окно с таким выражением, будто я снова веду себя как избалованный мальчишка.

Айла поднимается в машину, открывает дверь и с силой захлопывает её.

Я медленно поворачиваю голову.

— Ещё раз так хлопнешь дверью моей машины — клянусь, ты пожалеешь.

— Ах да?

Она пристёгивается и откидывается на спинку сиденья.

— Какая страшная угроза.

— Не провоцируй меня.

— Я всего лишь закрыла дверь.

— Ты прекрасно знаешь, что делаешь.

— Конечно, знаю. Я нарушила покой великого Амира, который привык, что все ходят вокруг него на цыпочках.

Я вывожу машину со двора.

Дорога мокрая, почти чёрная. Фары отражаются в лужах длинными золотистыми полосами. На перекрёстке загорается красный свет, но я едва успеваю затормозить перед стоп-линией.

— Ты можешь ехать медленнее? — спрашивает Айла.

— Нет.

— Я не хочу умереть из-за твоего плохого настроения.

— Тогда не садись в мою машину.

— Я не просила тебя меня везти.

— Бабушка настояла.

— А ты мог отказаться.

— Я не собираюсь спорить с ней.

— Зато со мной согласишься с удовольствием.

Я сжимаю руль. На коже остаётся влажный след от ладони.

В салоне пахнет дорогой кожей, древесиной и тонким ароматом моего парфюма. На центральной панели мерцают показатели навигации. Музыка выключена, и от этого каждое слово Айлы звучит ещё отчётливее.

Мы проезжаем мимо закрывающихся магазинов. На тротуарах люди спешат укрыться от ветра, продавцы опускают металлические ставни, автобусы тяжело скользят по мокрой дороге. Вдалеке видны огни высотных зданий, размытые туманом.

— Ты хоть посмотрел документы? — спрашивает она.

— Нет.

— Разумеется.

— Я был занят.

— Ты был у бабушки.

— До этого у меня были встречи.

— У тебя всегда встречи.

— Что ты пытаешься сказать?

— Ничего. Просто удивляюсь, как человек может быть постоянно занят и при этом успевать вмешиваться в чужую жизнь.

Я бросаю на неё взгляд.

— Ты приехала не для того, чтобы обсуждать мою личную жизнь.

— Я приехала по работе. Ты сам перевёл разговор на другое.

— Потому что ты ведёшь себя вызывающе.

— Потому что рядом с тобой невозможно спокойно разговаривать.

— Ты могла просто оставить документы в офисе.

— Я оставила. Но ты их не забрал.

— Ты могла отправить курьера.

— Я отправила файл.

— Мы снова возвращаемся к электронной почте?

— Нет, мы возвращаемся к тому, что ты никогда не признаёшь, когда сам что-то упустил.

На несколько секунд мы замолкаем.

Я проезжаю перекрёсток и сворачиваю на широкую улицу. Здесь движение плотнее. Вода стекает по лобовому стеклу, дворники работают на высокой скорости. Двигатель отзывается ровным низким гулом, когда я ускоряюсь.

— Тебе нравится выводить меня из себя? — спрашиваю я.

— Нет.

— Тогда почему ты это делаешь?

— Потому что ты понимаешь только тогда, когда на тебя срываются.

Она изменилась.

Я помню другую Айлу. Ту, которая смеялась когда видела меня. Ту, которая могла часами спорить со всеми, а потом приносила всем кофе. Ту, которая однажды уснула на диване на кухне после трёх суток подготовки к важному экзамену.

Я помню, как она смотрела на меня тогда.

С доверием.

Теперь в её глазах осталась только настороженность.

Мы подъезжаем к её району. Дома здесь ниже, улицы уже и темнее. После дождя асфальт блестит под фонарями, а возле обочины собираются мутные лужи. Я останавливаюсь у тротуара.

— Выходи.

Айла поворачивается ко мне.

— Можно было бы и повежливее.

— Я не обязан быть вежливым.

— Конечно. Для этого нужно уважать человека, который сидит рядом.

— Не начинай.

Она расстёгивает ремень, но не выходит сразу.

— Что ты сказала бабушке?

— Ничего.

— Я слышал, как ты с ней разговаривала.

— Она просто спрашивала откуда я приехала. Я ответила.

— Ты пыталась понравиться ей.

Айла медленно поворачивает голову.

— Ты серьёзно?

— Ты вела себя слишком свободно.

— Это называется нормально разговаривать с пожилым человеком.
— Не нужно вмешиваться в мою семью.
— Твоя бабушка пригласила меня сама.
— Но ты воспользовалась этим.
— Чем?

— Тем, что она встала на твою сторону.

Айла тихо смеётся.

— Ты правда ревнуешь меня к собственной бабушке?

Я чувствую, как раздражение поднимается к горлу.

— Выйди из машины.

— Уже выхожу.

Она открывает дверь, но прежде чем успевает поставить ногу на асфальт, я хватаю её за локоть и тяну на себя.

Движение происходит быстрее, чем я успеваю его осознать.

Айла резко поворачивается. Её лицо оказывается слишком близко. Я чувствую запах дождя от её волос и вижу, как в её глазах вспыхивает недоверие.

— Айла, клянусь, ты доиграешься, — говорю я низким голосом. — Не играй со мной, или очень сильно пожалеешь.

Она смотрит прямо на меня.

— Ой, боюсь, боюсь, господин Амир.

— Если сейчас не замолчишь, пожалеешь.

— Я вас не боюсь.

Эти слова словно нажимают на скрытую пружину.

Я резко притягиваю её к себе и целую.

На мгновение всё замирает: шум улицы, мерцание фонарей, стук дождевых капель по крыше. Но уже через секунду Айла отталкивает меня.

Её ладонь взлетает вверх. Я перехватываю её руку прежде, чем она касается моего лица.

— Не смей, никогда не поднимать на меня руку.

Айла смотрит на меня так, будто перед ней стоит незнакомец.

— Отпусти.

Я медлю.

— Я сказал...

— Отпусти меня!

В её голосе нет привычной насмешки. Только ярость и страх.

Я разжимаю пальцы.

Она выдёргивает руку и отступает к двери.

— Ты мудака, — говорит она сквозь зубы.

— Следи за языком.

— Ты вообще понимаешь, что сделал?

— Не преувеличивай.

— Я не преувеличиваю!

Она захлопывает дверь и отходит на несколько шагов. Я остаюсь в машине, всё ещё пытаюсь убедить себя, что ситуация вышла из-под контроля из-за неё. Что она провоцировала. Что её слова довели меня.

Но в глубине сознания уже появляется другая мысль.

Я пересёк границу.

Айла подходит к скамейке у ближайшего дерева. На земле лежат мокрые камни, оставшиеся после ремонта дорожки. Она наклоняется, поднимает один и сжимает его в руке.

— Айла, не смей.

Она поднимает взгляд.

— Ты думал, твоё поведение останется просто так?

— Положи камень.

— Ты привык, что всё можно купить. Людей, молчание, оправдания.

— Положи его.

— Но не достоинство.

Она бросает камень.

Удар приходится в лобовое стекло. Раздаётся резкий хлопок, и по стеклу мгновенно разбегаются сеть трещин. В центре остаётся небольшая вмятина, а вокруг неё — длинные белёсые линии.

Я резко выхожу из машины.

— Ты что, маньячка?!

— Не такая, как ты!

— Ты понимаешь, сколько это стоит?

— Мне всё равно!

— Ты поплатишься за это!

Я хлопаю ладонью по капоту. Сигнализация тут же начинает истерично выть, разрывая тишину улицы.

В окнах ближайшего дома загорается свет. Кто-то отодвигает занавеску. На тротуаре останавливается мужчина с зонтом.

Айла переводит взгляд на людей вокруг, затем снова смотрит на меня.

— Вот и прекрасно. Пусть все увидят, какой ты на самом деле.

— Не смей устраивать сцену.

— Сцену устроил ты в тот момент, когда решил, что можешь трогать меня без разрешения.

У меня перехватывает дыхание.

Она произносит это отчётливо, так, чтобы услышали все.

— Ты не имеешь права, — продолжает Айла. — Ни угрожать мне, ни хватать меня, ни решать, что тебе позволено.

Я оглядываюсь. Мужчина с зонтом всё ещё стоит неподалёку. В одном из окон появляется женщина.

Впервые за много лет мне становится неуютно не из-за чужого мнения, а из-за собственных действий.

— Убирайся, — говорю я.

— С удовольствием.

— И завтра можешь не приходить на работу.

— Это всё, на что ты способен? Уволить меня?

— Я сказал, убирайся.

Она разворачивается и уходит по мокрому тротуару.

Я смотрю ей вслед, пока её фигура не скрывается за поворотом.

Дождь снова усиливается. Крупные капли ударяют по крыше машины, по треснувшему стеклу, по моим рукам. Сигнализация продолжает звучать, и я наконец нажимаю кнопку на ключе.

Молчание возвращается слишком резко.

Я сажусь за руль и закрываю дверь.

В салоне всё осталось прежним: мягкая подсветка, запах кожи, ровный гул двигателя. Но теперь пространство кажется тесным. На лобовом стекле расползаются трещины, и огни улицы превращаются в размытые белые полосы.

Телефон начинает вибрировать.

На экране высвечивается имя бабушки.

Я не отвечаю.

Через несколько секунд звонок прекращается. Затем приходит сообщение.

«Ты довёз её?»

Я смотрю на слова, но не печатаю ответ.

Второе сообщение появляется почти сразу:

«Не смей обижать эту девушку».

Я резко отбрасываю телефон на соседнее сиденье.

Бабушка всё поняла

Глава 6

Глава 6. Айла

Я открываю дверь квартиры и с такой силой захлопываю её за собой, что дрожит даже маленькая настенная полка в прихожей.

На ней стоят фотографии, несколько свечей и керамическая фигурка кота, которую Стефани привезла из поездки. Фигурка качнулась, но каким-то чудом не упала.

— Прекрасно, — пробормотала я, бросая сумку на тумбу. — Ещё этого мне не хватало.

Я снимаю туфли, даже не пытаюсь поставить их аккуратно, и прохожу в гостиную. Но, сделав всего несколько шагов, останавливаюсь.

В комнате явно происходит что-то совершенно неожиданное.

На журнальном столике стоят коробки с пиццей, пластиковые стаканы с напитками и несколько мисок с закусками. На диване расположились Стефани, Джангир, Мира, Аким и Лиана. Кто-то включил музыку, и в гостиной звучала лёгкая поп-композиция, под которую Лиана пыталась одновременно откупорить бутылку газированной воды и отбивать ритм ногой.

Стефани первой замечает меня. Она сидит на полу, прислонившись спиной к дивану, и держит в руках кусок пиццы. На её коленях лежит открытая коробка с соусами.

— Айла! — визжит Джангир, поднимая руку так резко, будто приветствует меня на собрании. — Присаживайся! Мы тут на всех заказали.

— Я вижу, — медленно отвечаю я, оглядывая комнату. — Но, извините за такой грубый вопрос... что вы тут делаете?

Все на несколько секунд замолкают.

Лиана перестаёт возиться с бутылкой. Аким осторожно ставит стакан на подлокотник дивана. Мира поднимает брови, словно только сейчас понимает, насколько странно выглядит эта сцена со стороны.

Стефани виновато разводит руками.

— Я тут ни при чём, — говорит она, стараясь сохранить невозмутимый вид. — Они сами пришли.

— Мы не сами, — возражает Джангир. — Нас пригласили.

— Я пригласила только Миру, — уточняет Стефани.

— А я пригласила Акима, — добавляет Мира.

— А я пришёл с Акимом, потому что он сказал, что здесь будет еда, — объясняет Джангир.

— А Лиана?

Все поворачиваются к Лиане.

Та пожимает плечами и, наконец, открывает бутылку. Газированный напиток выплёскивается на её пальцы.

— Я была рядом, — спокойно отвечает она, облизывая каплю с большого пальца. — А рядом с пищей я оказываюсь довольно часто.

Джангир кивает с серьёзным видом.

— Это её жизненная философия.

Я смотрю на них и не понимаю, смеяться мне или плакать. Внутри всё ещё гремит недавняя ссора, перед глазами стоит треснувшее стекло автомобиля Амира, а мои ладони до сих пор помнят напряжение, с которым я сжимала камень

— Мы просто решили все вместе отдохнуть, — говорит Мира, пытаясь разрядить обстановку. — Ты в последнее время почти не появляешься дома в нормальном настроении. Вот мы и подумали, что тебе нужно отвлечься.

Она говорит это мягко, однако её взгляд внимательно скользит по моему лицу. Мира умеет замечать то, что другие стараются скрыть. Даже если человек улыбается, она сразу видит, насколько эта улыбка настоящая.

Я прохожу к дивану и опускаюсь на свободное место.

— Да уж, — вздыхаю я. — Неудачное время вы выбрали, конечно.

— А что случилось? — спрашивает Аким.

Он сидит в кресле, закинув одну руку на подлокотник. В отличие от Джангира, который постоянно двигался и жестикулировал, Аким сохранял спокойствие даже тогда, когда вокруг него происходил настоящий хаос.

Я смотрю на коробки с пиццей. На яркую упаковку с напитками. На улыбающиеся лица коллег. Они пришли сюда, чтобы провести спокойный вечер, посмеяться, поговорить о чём-нибудь не связанном с работой.

Но у меня не получилось оставить рабочие проблемы за дверью.

— Ничего особенного, — отвечаю я.

Джангир прищуривается.

— Когда человек говорит «ничего особенного» с таким выражением лица, обычно выясняется, что он либо подрался, либо уволился, либо случайно поджёт офис.

— Ничего я не поджигала.

— Уже хорошо, — облегчённо произносит он.

Я беру стакан с водой и делаю небольшой глоток. В горле всё пересохло, но вода не помогает избавиться от неприятного комка.

— Ничего, кроме того, что я вашему директору разбила машину.

Кусок пиццы, который Лиана держала в руке, падает на пол сыром вниз.

На несколько мгновений в комнате воцаряется абсолютная тишина. Музыка продолжает играть, но теперь она кажется слишком громкой и нелепо весёлой.

Стефани медленно опускает коробку с соусом.

— Ты сделала что?!

— Я услышала, — тихо говорит Мира. — Но, кажется, мой мозг отказывается это принимать.

Аким выпрямляется в кресле.

— Машину Амира?

— Другого директора в нашей жизни вроде бы нет, — отвечаю я.

Джангир закрывает лицо ладонями и несколько секунд молчит. Потом медленно проводит руками по волосам.

— Айла, — произносит он трагическим тоном, — ты меня подставила.

— Каким образом?

— Он завтра точно на мне сорвётся. Я сижу ближе всех к его кабинету. Если он начнёт искать виноватого, то первым увидит меня.

— Ты ни при чём.

— Для Амира это никогда не было препятствием.

Лиана тем временем смотрит на кусок пиццы на полу, словно тот стал символом внезапного разрушения всей их беззаботной жизни.

— Ты хотя бы объяснишь, как именно ты сломала ему машину? — спрашивает она.

Я сжимаю стакан в руках.

Перед глазами снова возникает дорога, тёмное стекло автомобиля, напряжённое лицо Амира и его голос, от которого внутри всё сжималось. Я помню, как он наклонился ко мне. Помню неожиданное прикосновение его губ. Помню, как мгновенно вспыхнула злость — такая сильная, что я даже не успела испугаться.

И камень в моей руке.

Я отвожу взгляд.

— Всё произошло случайно.

Джангир приподнимает голову.

— случайно разбила его машину?

— Я была зла.

— Это уже больше похоже на правду.

Стефани пододвигается ко мне и внимательно вглядывается в лицо.

— О боже мой, что с тобой сделал Амир?

— Ничего.

— Айла.

В её голосе появляется настойчивость. Стефани знала меня слишком хорошо, чтобы поверить в это короткое «ничего».

Я ставлю стакан на столик и откидываюсь на спинку дивана.

— Я честно не поняла, он уволил меня или превратит мою работу в ад.

— Уволил? — переспрашивает Мира. — За машину?

— Наверное.

— За разбитое стекло? — уточняет Аким.

— Оно было не разбито полностью. Только треснуло.

— Это очень утешает, — сухо замечает Лиана.

Стефани бросает на неё возмущённый взгляд.

— Лиана!

— Я просто пытаюсь оценить масштаб разрушений.

Джангир берёт ещё один кусок пищи, но теперь ест его медленнее. Видимо, он пытался одновременно жевать и осмысливать мои слова.

— Ты хоть день можешь прожить без приключений, подруга? — ахает он. — Один день. Всего один. Я ведь просил тебя не связываться с начальством.

— Я не связывалась.

— Ты разбила ему машину.

— Он сам начал.

Это вырывается у меня прежде, чем я успеваю подумать.

Все снова смотрят на меня.

— В каком смысле «сам начал»? — осторожно спрашивает Аким.

Я отвожу взгляд к окну. За стеклом темнел город. Огни домов отражались в окне, и казалось, будто за пределами квартиры существует другая жизнь — спокойная, обычная, без угроз увольнения и взглядов человека, которого я никак не могла понять.

Он не должен был меня целовать.

Но я не собираюсь говорить об этом никому.

Им незачем знать, что произошло в машине. Не хочу, чтобы они обсуждали это. Не хочу видеть жалость в глазах Стефани или услышать бесконечные шутки Джангира. Не хочу, чтобы кто-то решил, будто я сама спровоцировала Амира.

— Он сказал что-то неприятное, — объясняю я после паузы. — Мы поссорились. Я вышла из себя.

— А машина чем провинилась? — спрашивает Джангир.

— Она была рядом.

Лиана тихо фыркает. Мира прикрывает рот рукой, чтобы не рассмеяться. Даже Аким улыбается, хотя пытается это скрыть.

Стефани качает головой.

— Ты понимаешь, что это не смешно?

— Понимаю.

— Ты понимаешь, что он может вызвать тебя завтра к себе?

— Понимаю.

— И что он может уволить тебя?

— Это я тоже понимаю.

— Тогда почему ты так спокойно сидишь?

Я беру кусок пиццы и пожимаю плечами.

— Потому что если я начну думать обо всём сразу, то, скорее всего, расплачусь.

После этих слов никто не шутит.

Мира придвигается ближе и касается моего плеча, но я едва заметно напрягаюсь. Она сразу убирает руку, не задавая вопросов.

— Ты не одна, — говорит она. — Что бы ни случилось, мы тебя не бросим.

— Только не втягивайте меня в это, — тут же вставляет Джангир. — Я поддерживаю морально, но если Амир начнёт кричать, я спрячусь за Акимом.

— Почему за мной?

— Потому что ты выше и выглядишь так, будто умеешь драться.

— Я не умею драться.

— Тогда просто стой впереди и создавай впечатление.

Лиана громко смеётся, и напряжение понемногу ослабевает. Джангир, довольный произведённым эффектом, берёт салфетку и торжественно вытирает пятно соуса с края коробки.

Вечер постепенно возвращается к прежнему настроению.

Мира включает другую музыку — более ритмичную. Лиана пытается выбрать фильм, но Джангир постоянно меняет варианты, потому что утверждает, что «никто не имеет права добровольно смотреть настолько скучное кино». Аким организует на столе импровизированную игру: каждый должен назвать самый нелепый случай, произошедший с ним на работе.

Первой начинает Лиана.

Она рассказывает, как однажды перепутала два отчёта и отправила директору документ с названием «Финальная версия — точно последняя — исправленная — настоящая». Джангир смеётся так громко, что едва не проливает напиток на себя.

— Ты смеёшься, — замечает Лиана, — но именно ты однажды отправил письмо клиенту с обращением «Уважаемый господин, чьё имя я забыл».

— Это была дипломатическая формулировка.

— Ты написал это в теме письма.

— Чтобы он сразу понял, что я честный человек.

Аким вспоминает, как во время важного совещания у него зазвонил телефон, а вместо стандартной мелодии включилась детская песня. Он попытался выключить звук, но случайно сделал его громче. Мира изображает его растерянное лицо, и все снова начинают смеяться.

Я слушаю их и постепенно чувствую, как напряжение немного отступает. Не исчезает полностью, но становится тише. Стефани подаёт мне салфетку, когда соус падает мне на рукав. Джангир требует, чтобы я рассказала свою «самую безумную офисную историю», но я отказываюсь, заявляя, что сегодняшний случай уже занял первое место.

— Тебе нужно придумать ему прозвище, — говорит Лиана.

— Кому?

— Амиру. Чтобы мы могли обсуждать его без лишнего напряжения.

— Например, «Разбитое стекло», — предлагает Джангир.

— Слишком очевидно, — возражает Мира.

— «Господин холостяк », — говорит Стефани.

Я поворачиваюсь к ней.

— Ты всё запомнила?

— Конечно.

— Он действительно заявил, что не хочет жениться в ближайшие семь или восемь лет.

— Восемь лет? — Джангир округляет глаза. — Он планирует вступить в брак после выхода на пенсию?

— Может, он просто боится женщин, — предполагает Лиана.

— Или конкретно одной женщины, — тихо замечает Мира.

Её слова заставляют меня замереть.

Я не отвечаю. Стефани переводит взгляд с меня на Миру, но ничего не говорит.

Разговор снова меняется. Коллеги начинают обсуждать планы на выходные, спорят о ресторанах и выясняют, кто лучше готовит. Джангир уверяет всех, что способен приготовить полноценный ужин из трёх блюд, но Мира напоминает ему, как месяц назад он сжёг даже замороженную пищу.

— Это был эксперимент, — защищается он.

— Ты оставил её в духовке на час.

— Я хотел проверить её на прочность.

— Она прошла проверку лучше тебя, — говорит Аким.

Стефани смеётся, а я впервые за весь вечер улыбаюсь по-настоящему.

Несмотря на все шутки, страх никуда не исчезает. Завтра мне всё равно придётся приехать в офис. Возможно, Амир уже решил, что я уволена. Возможно, он заставит меня написать объяснительную. Возможно, его молчание окажется хуже любого крика.

Я стараюсь не думать о том, что произошло между нами.

Особенно о поцелуе.

Утро наступает слишком быстро.

Я почти не спала. Несколько раз просыпалась среди ночи и долго смотрела в потолок, пытаясь убедить себя, что сегодняшний день не станет катастрофой. Но чем ближе подходило время выхода, тем сильнее сжимался живот.

Теперь я стою перед зеркалом и в который раз осматриваю себя.

На мне чёрное платье. Оно немного короче тех, что я обычно надеваю на работу, но всё ещё выглядит достаточно сдержанно. Поверх я надела лёгкий жакет, а на ноги — туфли на небольшом каблуке. Благодаря им я стала казаться чуть выше.

Сумка стоит рядом с дверью. Телефон лежит на туалетном столике.

Я беру его и проверяю сообщения.

Ни одного сообщения от Миры.

Она обычно писала мне, если Амир кого-то вызывал или если в офисе происходило что-то необычное. Я ждала хотя бы короткой фразы: «Он тебя ждёт» или «Лучше сегодня не опаздывай».

Но экран оставался пустым.

Я обновляю мессенджер, хотя прекрасно понимаю, что это бессмысленно.

— Айла, ты в порядке? — спрашивает Стефани из дверного проёма.

Она уже готова к выходу. Её волосы собраны в аккуратный хвост, в руке она держит чашку кофе. На лице нет привычной улыбки — только беспокойство.

— Не знаю, — честно отвечаю я.

Стефани входит в комнату и ставит чашку на комод.

— Ты выглядишь так, будто собираешься не на работу, а на судебное заседание.

— В некотором смысле это одно и то же.

— Не драматизируй.

— Я разбила машину директора.

— Ты повредила стекло.

— Стефани.

— Хорошо. Ты повредила стекло машины директора. Но это ещё не означает, что сегодня тебя публично казнят в холле.

— Ты не можешь знать наверняка.

— Зато знаю тебя. И знаю, что ты сейчас сама себя пугаешь сильнее, чем Амир.

Я поворачиваюсь к зеркалу и поправляю воротник жакета.

— Я не знаю, что он собирается делать.

— Я знаю, что между тобой и Амиром что-то произошло, — говорит Стефани уже тише.
— Ты сама не своя с тех пор, как вернулась.

Мои пальцы замирают на ткани.

— Ничего не произошло.

— Айла.

Она произносит моё имя так мягко, что сопротивляться становится трудно.

Я закрываю глаза. Потом сажусь на край кровати и опускаю руки на колени.

— Ладно.

Стефани садится рядом.

Я начинаю рассказывать. Сначала медленно, с паузами, будто каждое слово нужно вытаскивать из себя. Рассказываю, как поехала к Амиру, чтобы отдать документы. Как он встретил меня в плохом настроении. Как между нами вспыхнула ссора в гостинной. Как он требовал объяснений, а я не хотела снова оправдываться.

Я рассказываю о поездке в машине, но пропускаю некоторые детали. О том, как его голос стал ниже. Как он остановил автомобиль. Как внезапно наклонился ко мне.

А затем произношу:

— Он меня поцеловал.

Стефани смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Он тебя поцеловал?

Я киваю.

— Без предупреждения?

Я снова киваю.

— А потом ты разбила ему машину?

— Я была в шоке.

— Конечно, была в шоке, — быстро отвечает она. — Я не понимаю, почему ты вообще должна чувствовать себя виноватой.

— Я всё равно бросила камень.

— Потому что он перешёл границу.

Я смотрю на свои руки.

— Я не знаю, что делать дальше.

— Ты можешь начать с того, чтобы не обвинять себя во всём подряд.

Я горько улыбаюсь.

— Легко сказать.

— Айла, ты сама говорила, что он в прошлом даже не смотрел на тебя.

— Так и было, Стеф. Он никогда не хотел меня видеть. Он даже моему брату сказал, что не желает жениться в течение семи-восьми лет.

Стефани некоторое время молчит, пытаясь подобрать подходящую реакцию.

— Ужас.

— Да. Представь, какой навязчивой я себя чувствовала.

— Ты не была навязчивой, — возражает она. — Это называется симпатией, Айла. Это нормально.

Я отвожу взгляд.

— Но он так себя вёл, будто я мешала ему одним своим присутствием.

— Некоторые люди специально отталкивают других, когда не хотят показывать собственные чувства.

— Не думаю, что Амир вообще способен на чувства.

— Все способны.

— Он способен только увольнять людей, запрещать им смотреть на него и говорить так, будто весь мир обязан перед ним отчитываться.

Стефани невольно улыбается.

— Ты очень много о нём знаешь для человека, которому он безразличен.

— Он мой начальник. Приходится знать.

— Конечно.

Я бросаю на неё предупреждающий взгляд.

— Даже не начинай.

— Я ничего не сказала.

— Но подумала.

— Это не преступление.

— В нашем офисе — вполне возможно.

Стефани смеётся, но быстро становится серьёзной.

— Что ты будешь делать, если он вызовет тебя к себе?

Я не отвечаю сразу.

— Скажу правду.

— Какую именно?

Я поднимаю голову.

— Что он не имел права меня целовать.

Стефани кивает.

— Правильно.

— А если он скажет, что я всё неправильно поняла?

— Тогда повторишь ещё раз.

— А если уволит?

— Найдём другую работу.

Я смотрю на неё.

— Ты говоришь так, будто это легко.

— Нет, не легко. Но легче, чем всю жизнь бояться человека, который привык, что все вокруг молчат.

Эти слова остаются между нами.

Я снова беру телефон. Экран по-прежнему пуст.

— Может, он действительно меня уволил, — говорю я.

— Тогда почему тебе никто не сообщил?

— Может, он хочет сказать это лично.

— Амир слишком занят, чтобы устраивать драматичные сцены.

— Вчера он нашёл время для поцелуя.

Слова вылетают сами собой.

Стефани медленно поворачивает голову.

— Ты сейчас сама дала мне новый повод для разговора.

— Забудь.

— Не могу.

— Стефани.

— Хорошо, забуду. На ближайшие пять минут.

Я качаю головой, но улыбаюсь. Она специально шутит, чтобы я не провалилась в тревогу окончательно.

Из кухни доносится сигнал кофеварки. За окном город уже проснулся: на дороге проезжают машины, где-то хлопает дверь, слышны приглушённые голоса прохожих. Обычное утро продолжается, хотя для меня всё вокруг ощущается непривычно хрупким.

Я встаю и беру сумку.

— Давай пойдем, иначе опоздаем.

Стефани тоже поднимается.

— Ты уверена?

Я смотрю на своё отражение в зеркале. Лицо выглядит спокойнее, чем я себя чувствую. Я расправляю плечи, поправляю волосы и заставляю себя сделать глубокий вдох.

— Нет, — признаюсь я. — Но если останусь дома, будет ещё хуже.

— Тогда идём вместе.

Мы направляемся к двери. Я проверяю, взяла ли ключи, телефон и документы. На секунду задерживаю ладонь на дверной ручке.

Я открываю дверь.

Стефани выходит первой, затем я следую за ней, крепче сжимая ремешок сумки.

Мы закрываем квартиру и направляемся на работу.

Глава 7

Глава 7. Айла.

Тело дрожало так сильно, что я с трудом удерживала пальцы сцепленными перед собой. Мы входили в компанию, а я понятия не имела, чего ожидать. После вчерашнего я не могла предугадать реакцию Амира: уволит ли он меня, отстранит, устроит разбор при всех или просто сделает вид, будто меня не существует.

Последний вариант почему-то пугал сильнее остальных.

Рядом со мной шла Стефани. Она несколько раз бросала на меня обеспокоенный взгляд, но ничего не говорила. Наверное, боялась, что любое слово заставит меня окончательно потерять самообладание.

Мы едва успели пройти через холл, как к нам направилась Мира. В руках у нее была папка, а на лице застыло выражение человека, который заранее знает плохую новость, но пытается преподнести ее мягче.

— Не переживай, — тихо сказала она, остановившись передо мной. — Он ничего не говорил о твоём увольнении.

Я посмотрела на нее, пытаясь понять, действительно ли в ее голосе есть уверенность или она просто хочет меня успокоить.

— Не говорил? — переспросила я, и собственный голос показался мне слишком слабым.

— Не говорил, — Мира чуть заметно покачала головой. — Если бы собирался уволить, ты бы уже знала. Поверь.

Я кивнула, хотя внутри не стало легче. С Амиром нельзя было быть уверенной ни в чем. Он мог молчать до последней секунды, а потом одним холодным взглядом разрушить чью-то карьеру.

Я медленно вдохнула и заставила себя сделать шаг вперед.

— Тогда пойдем, — сказала Стефани, осторожно коснувшись моего локтя. — Не стой посреди холла.

Я вздрогнула от ее прикосновения, но позволила ей повести меня дальше. В груди все еще было тесно, будто кто-то затянул невидимую веревку вокруг ребер.

Мы прошли несколько метров, когда с другого конца холла раздался знакомый голос:

— Девочки!

Я обернулась и увидела Узая. Он шел к нам, улыбаясь так широко и искренне, что от одного его вида напряжение немного ослабло. Я давно его не видела, хотя мы работали в одной

компании. В последнее время мне казалось, что я почти ни с кем здесь не пересекаюсь, кроме Амира, его кабинета и бесконечных документов.

— Привет, — первой поздоровалась Стефани.

— Привет, — ответил Узай, остановившись рядом. Его взгляд скользнул по нам, а затем задержался на мне. — Куда идете?

— Я на второй этаж, уже опаздываю, — объяснила Стефани, поправляя сумку на плече. — Господин Габриэль поручил мне кое-какие дела.

При упоминании имени Габриэля на ее лице мелькнула едва заметная улыбка. Я заметила это, но решила не комментировать.

Узай нахмурился, словно вспомнил что-то важное.

— Габриэль? Вы же в курсе, что он здесь не работает? У него своя компания.

Мы со Стефани одновременно кивнули, но я вдруг поняла, что никогда не задумывалась об этом. Габриэль действительно постоянно появлялся в нашей компании, участвовал в совещаниях, переговорах и беседах, будто был частью руководства.

— А почему он тогда здесь? — спросила я, нахмурившись.

— Сейчас все директора сюда ходят, — ответил Узай, пожав плечами. — Почти каждый день совещания, собеседования, обсуждения проектов. Иногда кажется, что у этой компании вообще нет выходных.

Он говорил легко, но я знала: за его шутками скрывалась усталость. В последнее время в офисе действительно царил постоянный стресс. Все старались не задерживаться в коридорах, не разговаривать слишком громко и не попадаться Амиру на глаза без необходимости.

— Ладно, вы разговаривайте, а я пойду, — сказала Стефани, уже делая шаг в сторону лестницы.

— Удачи, — пожелала я ей.

— Тебе она сегодня нужнее, — тихо ответила Стефани и подмигнула, пытаясь разрядить обстановку.

Она прошла между мной и Узаем, направляясь к лестнице. Я проводила ее взглядом, а затем снова посмотрела на него.

— Прекрасно выглядишь, — сказал Узай.

Его голос был теплым, без намека на притворство. Я впервые за утро улыбнулась настоящему.

— Разве твоя подруга может хоть один день выглядеть ужасно?

— Нет, — ответил он, и его улыбка стала мягче. — И это мне в тебе нравится.

От этих слов я почувствовала себя немного спокойнее. С Узайем было легко. Он не смотрел на меня так, будто я представляла собой проблему, которую нужно срочно устранить. Не взвешивал каждое мое движение и не заставлял угадывать, о чем думает.

Но спокойствие продлилось всего несколько секунд.

— Господин Узай, у вас нет никаких задач?

Голос Амира прозвучал сзади резко и холодно. Я сразу напряглась, а улыбка исчезла с моего лица.

Узай медленно повернулся. Амир стоял в нескольких шагах от нас. Его лицо было непроницаемым, взгляд — тяжелым. Он не смотрел на меня, словно намеренно игнорировал мое присутствие.

— У меня перерыв, — ответил Узай, стараясь говорить спокойно.

Амир перевел взгляд на него, и в его глазах появилось раздражение.

— Перерыв? — переспросил он так, будто это слово было оправданием, которое его не устраивало.

— Да, господин Амир, — Узай выпрямился. — Я закончил текущую задачу.

Амир несколько секунд молчал, затем посмотрел на меня.

— А у вас?

От этого короткого вопроса по спине прошел холод. Его голос был безжизненным, лишенным любых эмоций. Я почувствовала себя не человеком, а сотрудницей, которую вызвали для объяснений.

— Я собиралась подойти к вам, — сказала я, пытаюсь не опустить взгляд.

— Не надо ко мне подходить, — перебил он.

В его тоне было столько окончательности, что я замолчала.

— Две недели отработаете в документационном отделе.

Я не сразу поняла смысл его слов. На мгновение показалось, что я ослышалась.

Амир повернул голову к Мире.

— Мира, скажи Лиане быть у меня в кабинете.

— Хорошо, — ответила Мира, быстро кивнув.

Я почувствовала, как лицо бледнеет. Он не уволил меня. Но лишил должности своей ассистентки. Лишил возможности находиться рядом с ним, сопровождать его, видеть его расписание и слышать его распоряжения.

Разум подсказывал, что это должно меня радовать. Я больше не буду каждый день находиться рядом с человеком, который способен одним взглядом заставить меня забыть, как дышать.

Но внутри стало тесно.

Словно вместе с должностью у меня забрали что-то, к чему я успела привыкнуть. Что-то, о чем я не хотела себе признаваться.

Амир прошел мимо меня, даже не взглянув. От него пахло холодным древесным парфюмом, и этот запах мгновенно вернул меня к вчерашнему вечеру — к его злому лицу, к разбитому окну его машины, к тому, как он смотрел на меня, будто сам не понимал, почему не может просто оставить меня в покое.

Я обернулась.

Он уже разговаривал с Мирой, полностью исключив меня из происходящего. Его профиль был напряженным, губы сжаты в тонкую линию.

— Пойдем? — спросил Узай, мягко возвращая меня в реальность. — Я тоже на том этаже, что и ты.

Я кивнула.

— Не обращай внимания на него, — сказал Узай, когда мы направились к лестнице. — Он бывает слишком строгим. Главное, тебя не уволили.

— Да, — пробормотала я.

Но слова звучали пусто. Я сама не могла понять, почему меня так задело его решение.

Мы поднялись на тридцать пятый этаж. Здесь не было отдельных кабинетов — только длинный зал с рядами рабочих столов, компьютерами и шкафами с документами. В воздухе стоял запах бумаги, кофе и офисной техники. Все выглядело привычно, но я чувствовала себя чужой.

Я направилась к свободному месту и села. Передо мной лежала стопка документов, которые необходимо было разобрать и систематизировать. Я открыла первый файл, но строки расплывались перед глазами.

Справа раздался тихий смешок.

— Мне даже ничего не пришлось делать, чтобы Амир избавился от нее.

Я узнала голос Марии. Она разговаривала со своей подругой, даже не пытаясь понизить тон. Ее черные волосы лежали идеально, одежда выглядела дорого и безупречно. Она сидела, откинувшись на спинку кресла, и наслаждалась каждой секундой.

— Я и не сомневалась, что господин Амир не захочет рядом с собой такую дрянь, как она, — ответила ее подруга.

У меня сжалась рука. Ногти впились в ладонь, но я не почувствовала боли.

Мария заметила мою реакцию и усмехнулась.

— Что такое? — спросила она с притворным удивлением. — Неужели тебе неприятно слышать правду?

Я подняла на нее глаза.

— Если бы мне хотелось услышать твое мнение, я бы его спросила.

Несколько сотрудников неподалеку замолчали. Мария приподняла брови, но промолчала.

Лейла за соседним столом наклонилась ко мне. Ее волосы были собраны в небрежный пучок, а зеленые глаза внимательно изучали мое лицо.

— Не обращай на них внимания, — прошептала она. — Они еще те стервы.

Я посмотрела на нее с благодарностью.

— Мария просто не может забыть, как ты ее уделала — сказала Лейла. — об этом целую неделю говорили только.

Я неловко улыбнулась и опустила взгляд на документы.

С Лейлой мы очень хорошо подружились. Мы были знакомы всего полторы недели, но за это время успели сблизиться. Вместе мы обсуждали проект, который господин Амир поручил ей.

— Это было давно. Отвечаю я ей

— Для Марии — нет, — тихо сказала Лейла. — Она до сих пор злится.

Я хотела ответить, но Лейла вдруг тяжело вздохнула. Ее пальцы нервно перебирали край листа.

— Господин Амир очень строгий, — сказала она. — Сегодня, если я не докажу свою правоту в проекте, он меня уволит.

В ее голосе появилась тревога. Не обычное волнение перед совещанием, а настоящий страх.

— Не переживай, все хорошо будет, — сказала я.

— Нет, — Лейла покачала головой. — Мария тоже будет там. Она задаст кучу вопросов, на которые я, возможно, даже не смогу ответить. Я, когда начинаю стрессовать, все забываю. Даже то, что знаю лучше всего.

Она сжала ладони, и я заметила, как побелели костяшки ее пальцев.

— Понимаю, — честно ответила я. — А когда будет собеседование?

— В четыре часа.

— Я могу присутствовать?

Лейла посмотрела на меня с надеждой, которая тут же сменилась сомнением.

— Я бы очень хотела, но это решает отдел. Если бы ты была ассистенткой Амира, то с легкостью вошла бы.

Я замолчала.

Перед глазами возникло лицо Лейлы — испуганное, растерянное, слишком молодое для того, чтобы спокойно выдержать давление Амира и Марии одновременно. Если она ошибется из-за стресса, Амир действительно может уволить ее. Я уже знала, что он не дает сотрудникам второго шанса.

Я отодвинула кресло и встала.

— Куда ты? — спросила Лейла.

— Поговорю с Амиром.

— Айла, ты уверена?

Я не была уверена. На самом деле я боялась заходить к нему даже в обычном настроении. Но мысль о том, что Лейла останется один на один с Марией, заставляла меня идти вперед.

— Попытаюсь, — ответила я.

Я направилась к лестнице и поднялась на сорок пятый этаж. Каждый шаг отдавался в ноге слабой болью. Но сейчас я почти не обращала на это внимания.

У двери кабинета Амира я услышала женский крик.

— Ты не можешь так со мной поступить, Амир! Я любила тебя!

Я остановилась.

Голос был незнакомым, но в нем звучала такая отчаянная боль, что я невольно подошла ближе.

— Наши отношения давно закончены, Айсу, — ответил Амир. Его голос был холодным, но под этой холодностью слышалось сильное раздражение. — Выйди из моего кабинета.

— Нет, Амир, нет! — всхлипнула девушка. — Ты не можешь вот так взять и просто закончить наши отношения. Ты даже не объяснил, почему все решил!

— Я тебе все объяснил.

— Ты просто исчез! — Она говорила сквозь слезы. — Перестал отвечать, перестал приезжать, а теперь ведешь себя так, будто между нами ничего не было!

Я стояла у двери, понимая, что поступаю неправильно, но не могла уйти. Внутри смешались любопытство, тревога и странное ощущение, похожее на ревность.

— Айсу, — голос Амира стал опасно низким, — выйди.

— Я не уйду, пока ты не скажешь, что разлюбил меня!

Наступила тяжелая пауза.

— Я больше ничего к тебе не чувствую.

Слова прозвучали жестоко. Даже слишком жестоко.

— Ты врешь, — прошептала Айсу. — Я знаю тебя. Ты не мог так быстро...

— Айсу! — рявкнул Амир.

Я вздрогнула. В его крике было столько ярости, что по коже побежали мурашки.

— Выйди вон.

Дверь резко распахнулась. На пороге появилась девушка с заплаканным лицом. Ее русые волосы растрепались, тушь размазалась под глазами. Она увидела меня и застыла.

— Ты еще кто такая? — выкрикнула она.

— Я здесь работаю, — тихо ответила я.

Ей было все равно. Она бросила на меня презрительный взгляд, прошла мимо и быстро направилась к лестнице.

Я осталась стоять в дверях.

В кабинете царил хаос. Амир был повернут ко мне спиной. Его плечи напряженно поднимались от тяжелого дыхания. На столе стояла открытая бутылка воды и несколько папок, сдвинутых в сторону.

— Я могу войти? — осторожно спросила я.

Он резко обернулся.

— Блять. Ты что здесь забыла?

Его лицо было искажено злостью. Я никогда не видела его настолько раздраженным.

— Я хотела поговорить...

— Я не просил тебя приходить.

Он схватил стакан со стола и с силой швырнул его в стену. Стекло разбилось с оглушительным звоном. Я вскрикнула и отступила, но было поздно — маленький осколок впился в мою ногу.

— Айла!

Амир мгновенно заметил кровь. Я сама опустила взгляд и увидела тонкую красную линию на коже.

Он быстро подошел ко мне.

— Стой.

— Все нормально, — попыталась сказать я.

— Я сказал, стой.

Он подхватил меня на руки прежде, чем я успела возразить. Я инстинктивно обвила руками его шею. Мое сердце забилось еще сильнее — уже не только от страха.

Амир прошел мимо осколков, осторожно переступая через них, и усадил меня на диван.

— Кто носит туфли с открытой поверхностью? — раздраженно спросил он, опускаясь передо мной на одно колено.

Я посмотрела на него с недоверием.

— Теперь я виновата в том, что ты бросил стакан?

— Замолчи, — отрезал он, даже не подняв головы. — Больше ни слова, Айла.

Я замолчала.

Он открыл небольшой шкаф, достал аптечку, щипцы и антисептик. Его движения были резкими, но осторожными. Когда он коснулся моей ноги, я невольно вздрогнула.

— Больно? — спросил он.

— Немного.

— Потерпи.

Он сжал челюсть и аккуратно извлек осколок. Я наблюдала за его лицом. Злость никуда не исчезла, но теперь в ней появилась тревога, которую он старательно скрывал.

Амир обработал ранку и наклеил пластырь.

— Рана несерьезная. Можешь ходить.

Он поднялся и отошел от меня, словно только что вспомнил, насколько близко находился. Затем сел в свое кресло и откинулся на спинку, закрыв глаза.

Я понимала, что сейчас не лучший момент, но другого шанса могло не быть.

— Я хочу присутствовать на сегодняшнем собеседовании.

Амир открыл глаза и посмотрел на меня.

— Нет.

— Почему?

— Задай этот чертов вопрос себе, Айла.

— Но Лейла...

— Все, — перебил он. — Иди работать.

— Она сильно волнуется. Мария будет давить на нее, и если Лейла растеряется...

— Меня не интересует, кто и как будет на нее давить, — холодно сказал Амир. — Если она не способна защитить свой проект, значит, она не способна работать над ним.

— Но она знает этот проект лучше всех.

— Тогда ей нечего бояться.

Я сжала пальцы.

— Ты не можешь оценивать человека только по тому, насколько хорошо он ведет себя под давлением.

Амир медленно поднялся с кресла. В его взгляде снова появилась угроза.

— Я могу оценивать сотрудника так, как считаю нужным.

Я понимала, что спорить опасно, но уже не могла отступить.

— А кто будет твоей новой ассистенткой?

Он посмотрел на меня чуть дольше, чем требовалось.

— На время — Лиана.

Внутри что-то неприятно сжалось. Я заставила себя улыбнуться, но улыбка вышла натянутой.

— Значит, окончательно заменишь меня?

— Через время, когда я успокоюсь, ты вернешься на свое место.

Я подняла на него взгляд.

— Когда ты успокоишься?

Амир отвернулся к окну.

— Если бы я оставил тебя рядом сейчас, то задушил бы голыми руками.

Его слова прозвучали настолько яростно, что я перестала дышать.

Он говорил это не как угрозу. Скорее как признание собственной неспособности контролировать себя рядом со мной.

Я медленно встала с дивана.

— Тогда я пойду.

— Осколки, — резко сказал он.

Я остановилась.

— Что?

— Осторожно. Там еще стекло.

Он указал на пол, но не посмотрел на меня. Я прошла мимо осколков, стараясь не показать, как сильно меня задела эта короткая забота.

Неужели Амир переживал?

Я вышла из кабинета и закрыла дверь. Только оказавшись в коридоре, позволила себе глубоко вдохнуть.

Достав телефон, я написала Стефани:

«Габриэль рядом?»

Ответ пришел почти сразу:

«Да».

Я спустилась на второй этаж и увидела Габриэля возле окна. Стефани стояла рядом, а он почти повис на ней, опираясь локтем на ее плечо. Она пыталась отодвинуть его, но без особого успеха.

Между ними определенно что-то происходило.

Я решила не вмешиваться.

— Господин Габриэль, — позвала я.

Он поднял брови и повернулся ко мне.

— Айла? Что случилось?

— Мне нужна помощь.

Габриэль выпрямился, а Стефани быстро поправила волосы. На ее лице появилось смущение.

— Какого рода помощь? — спросил он, внимательно посмотрев на меня.

— Я хочу присутствовать на собеседовании.

— Ты же и так будешь там, — удивился Габриэль. — Ты ассистентка Амира.

— На время нет. Он отстранил меня.

— Что же ты сделала? — спросил он, и в его голосе появилась насмешливая заинтересованность.

Я уже открыла рот, но Стефани ответила за меня:

— Ничего серьезного. Всего лишь разбила его машину.

Габриэль несколько секунд молчал, а потом расхохотался. Он смеялся так громко, что несколько сотрудников обернулись.

— Не смейся, — возмутилась я.

— Прости, — сказал он, пытаясь взять себя в руки, но его плечи продолжали дрожать.
— Поверь, мне очень весело.

— Ничего веселого. Он мог меня уволить.

— Но не уволил.

— Только потому, что решил мучить меня в другом отделе.

— Никогда не думал, что появится девушка, которая сведет Амира с ума, — сказал Габриэль, качая головой.

— Да уж, — протянула Стефани, скрывая улыбку.

Я посмотрела на них обоих.

— Так что? Я могу пойти на собеседование с тобой?

Габриэль задумался, затем щелкнул пальцами.

— Ты можешь на неделю стать моей ассистенткой.

— На неделю?

— У меня действительно есть дела в этой компании. А ты получишь доступ на собеседование.

Я почувствовала облегчение.

— Отлично.

— Только не разбей теперь мою машину, — добавил он.

— Ничего не обещаю.

Стефани тихо рассмеялась, но я заметила, как Габриэль посмотрел на нее. В этом взгляде было что-то мягкое и личное.

Через несколько часов мы вместе направились на собеседование. В руках у меня была папка Габриэля, но мысли постоянно возвращались к Амиру. Я пыталась убедить себя, что не обязана обращать на него внимание. Теперь я работала с Габриэлем и не зависела от его настроения.

Но стоило нам войти в зал, как я сразу встретила с его взглядом.

Амир сидел во главе стола. Мария устроилась напротив, окруженная своими подругами.

Как только Амир увидел меня рядом с Габриэлем, его лицо изменилось.

Взгляд стал опасным. Зловещим. Он медленно провел глазами от папки в моих руках к Габриэлю, а затем снова посмотрел на меня.

Я сделала вид, что ничего не заметила, и села рядом с Габриэлем.

— Что она тут делает? — тут же язвительно спросила Мария.

Она скрестила руки на груди и усмехнулась, явно рассчитывая на поддержку Амира.

— Она пришла как моя ассистентка, — спокойно ответил Габриэль.

— Разве у вас не было своей ассистентки?

— Была. Теперь есть Айла.

Мария недовольно поджала губы.

Амир сделал вид, что вообще не слушает наш разговор. Он смотрел в документы перед собой, но пальцы его руки медленно сжимались в кулак.

Дверь открылась, и в комнату вошла Лейла. В руках она держала проект, а на лице отражалась тревога. Увидев меня, она на мгновение остановилась, будто не поверила, что я действительно пришла.

— Все хорошо, — беззвучно сказала я одними губами.

Лейла кивнула и заняла место напротив руководителей.

Следом вошел Джангир. Увидев меня, он широко улыбнулся.

— Цветочек, ты жива?

— Как видишь, — ответила я, улыбнувшись ему.

— Уже хорошо, — сказал он, садясь рядом с Амиром. — А то после истории с машиной я ожидал увидеть здесь только твой портрет.

— Джангир, — предупредил Амир.

Одного слова хватило, чтобы улыбка Джангира стала осторожнее.

— Молчу.

В комнату вошла Лиана и села рядом с Амиром. Она повернулась к нему с мягкой улыбкой и начала что-то рассказывать о документах, которые подготовила к собеседованию.

Я не слышала всего, что она говорила. Ее голос доносился до меня приглушенно, а внутри постепенно появлялось странное чувство тоски.

Еще вчера на ее месте сидела я.

Я заставила себя отвернуться.

Дверь снова открылась.

Внутри вошел мужчина, с которым я раньше не была знакома. Он был высоким, с резкими чертами лица и тяжелым взглядом. В его внешности было что-то пугающее — словно он действительно вышел из сказки, где ему предназначена роль злодея.

Он остановился у стола и посмотрел на присутствующих. Когда его взгляд дошел до меня, он задержался.

Слишком надолго.

Я почувствовала, как напряглись плечи. Его взгляд был хищным, оценивающим, неприятно внимательным. Мне захотелось отвернуться, но сначала я не могла заставить себя пошевелиться.

— Господин Макар, добро пожаловать, — поприветствовал его Мустафа.

Макар едва заметно кивнул, но продолжал смотреть на меня.

Я отвела взгляд и сцепила пальцы на коленях.

Амир заметил это.

Он повернул голову в сторону Макара и увидел, как тот не сводит с меня глаз. В ту же секунду лицо Амира стало жестче. Его рука сжалась в кулак, а взгляд потемнел.

Он медленно закрыл глаза, будто пытался успокоиться.

Лиана, заметив его состояние, наклонилась к нему.

— Господин Амир, с вами все хорошо? — осторожно спросила она.

Амир открыл глаза.

— Я же сказал, да, — ответил он резко.

Его голос повысился настолько внезапно, что Лиана съежилась на месте. В комнате повисла тяжелая тишина.

Макар все еще смотрел на меня.

А Амир, стиснув зубы, продолжал сидеть во главе стола, пытаясь сдержать ярость.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.